

Дом без камер

Алла Вершинина

Алла Вершинина

Дом без камер

«Автор»

2026

Вершинина А.

Дом без камер / А. Вершинина — «Автор», 2026

Страховой эксперт Андрей Левин приезжает в новый жилой комплекс после ночного пожара и гибели председателя совета дома. Его начальник уже подготовил отказ: виноват жилец, оставивший опасный аккумулятор. Но файл создан раньше первого сигнала тревоги, фотографии сделаны в другом доме, а камеры во всех четырёх башнях не работают девятый день. Чтобы восстановить ночь без единой видеозаписи, Андрей читает то, что обычно считают техническим шумом: память дверей и лифтов, вес тележки, давление воды, журнал домофона, посылочную ячейку и следы на мокром полу. Расследование приводит его не только к убийце, но и к решениям собственного отдела, где чужие выводы менялись после подписи. Теперь Андрею придётся выбрать между удобной версией, защищающей репутацию компании, и правдой, от которой зависят выплаты десяткам семей. А его главным оппонентом и самым точным союзником становится дочь Полина — инженер и жительница дома, привыкшая проверять работу не по актам, а руками.

© Вершинина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Отказ за сорок минут	6
Глава 2. Чёрные купола	15
Глава 3. Ячейка сорок семь	23
Глава 4. Дверь помнит карту	29
Глава 5. Председатель в тапочках	35
Глава 6. Чужие фотографии	40
Глава 7. Начальнику нужен номер	46
Глава 8. Сорок восемь квартир	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Алла Вершинина

Дом без камер

От автора

Камера кажется самым убедительным свидетелем, пока не выясняется, что она давно ничего не записывает. Тогда дом приходится читать по дверям, лифтам, мокрым колёсам, чужим подписям и времени в памяти небольших устройств.

Это история о страховом эксперте, которому поручили подтвердить готовый ответ. Чтобы узнать правду, ему придётся проверить не только повреждённый дом, но и работу собственного отдела. Здесь нет всевидящей записи и одной улики, способной заменить расследование. Каждое действие помнит ровно свою часть ночи.

Все персонажи, организации и обстоятельства вымышлены. Технические детали служат сюжету; книга не заменяет профессиональную консультацию.

Глава 1. Отказ за сорок минут

К четырём утра пожар уже потушили, но новый дом продолжал пахнуть горелой проводкой, мокрым гипсом и чужой зимней одеждой.

Андрей Левин оставил машину за шлагбаумом. Во двор не пускали никого, кроме пожарных, полиции и аварийных служб. На мокром асфальте лежала серая каша из первого снега и пены. Четыре одинаковые башни поднимались вокруг двора, и почти в каждом окне горел свет. Люди не спали, хотя огонь был внизу и до квартир не дошёл.

Над входами темнели полусферы камер. Их было столько, что Андрей насчитал семь, не сходя с места. Одна смотрела на шлагбаум, две — на детскую площадку, остальные держали стеклянные двери и проходы между башнями. Красные огоньки на корпусах не горели.

Он показал удостоверение сотруднику у ленты.

— Страховая? — спросил тот.

— Эксперт по имуществу. Вызов управляющей компании.

— Быстро вы.

— От нас требуют приезжать быстро.

— От пожарных тоже.

Сотрудник записал фамилию и время: 04:07. Андрей попросил показать строку, проверил цифры и расписался. Привычка раздражала людей, пока не выяснялось, что спор идёт именно о семи минутах.

У стеклянной двери первой башни его ждал Денис Громов, руководитель управляющей компании. На фотографии в карточке клиента он был гладко выбрит и сидел за столом в синем пиджаке. Сейчас на нём была короткая куртка поверх домашнего свитера, а на правой манжете темнела вода.

— Левин? — спросил он. — Наконец-то. Я звонил вашему Рогову ещё до трёх.

— Что повреждено?

— Технический коридор, часть посылочной, проводка, слаботочный шкаф. Вода пошла в подвал. Там документы и оборудование. Сумма будет большая.

— Пострадавшие?

Громов посмотрел мимо него, во двор.

— Одна погибшая. Мальцева Елена Сергеевна, председатель совета дома. Её нашли за противопожарной дверью.

Андрей снял перчатку, достал блокнот и записал имя полностью.

— Кто установил личность?

— Все её знали. Телефон при ней. Следователь подтвердил.

— Причину смерти вам называли?

— Дым, наверное. Или сердце. Ей пятьдесят с лишним.

— Я запишу только то, что подтверждено: человек найден погибшим. Причину устанавливает не управляющая компания и не страховой эксперт.

— Вы всегда так разговариваете?

— На месте пожара — да.

Громов провёл картой по считывателю. Дверь не открылась. Он выругался, дёрнул створку за ручку, потом постучал. Изнутри подошла пожилая женщина в бордовом жилете и вручную повернула замок.

— Система легла, — объяснил Громов. — После воды всё легло.

— Во сколько?

— Не знаю. Ночью.

Андрей записал и это. «Ночью» было удобным временем: в нём помещались и две минуты, и шесть часов.

В холле стояли жильцы. Кто-то спустился в пуховике поверх пижамы, кто-то принёс складной стул. На полу лежали полотенца, которыми пытались остановить воду у лифтов. Дети спали на диване возле почтовых ящиков. Женщина с короткими светлыми волосами говорила в телефон:

— Нет, мама, к нам не дошло. Нет, эвакуироваться уже не надо. Я перезвоню.

Увидев Андрея, она замолчала. Её лицо показалось ему знакомым, но в четыре утра знакомыми становились люди, похожие на тех, о ком не хотелось думать.

— Страховая приехала, — сказал Громов.

Несколько человек одновременно повернулись к Андрею.

— По квартирам когда пойдёте? — спросил мужчина в халате.

— Почему вода не сработала сразу? — крикнула женщина у лифта.

— У нас потолок в кладовой вздулся.

— Сначала нужен общий акт, — сказал Андрей. — Я осмотрю место, когда следователь разрешит. Повреждения в квартирах фиксируйте на фотографии, ничего опасного не включайте. Заявления будут принимать отдельно.

— А выплаты будут? — спросил мужчина.

— Решение принимают после осмотра и документов.

Громов резко посмотрел на него, будто услышал неправильный ответ.

Светловолосая женщина убрала телефон в карман.

— После осмотра? — переспросила она. — Интересно.

Теперь Андрей узнал голос.

— Полина?

— Доброе утро, папа.

Они не виделись три месяца. Последний раз сидели в кафе возле её работы и обсуждали не работу, а замену окон у матери Полины. Разговор длился двадцать семь минут и закончился тем, что дочь сказала: «Можно хотя бы раз не превращать встречу в список задач?» Андрей ответил, что иначе окно поставят криво. Полина ушла раньше, чем принесли счёт.

Сейчас на ней была жёлтая куртка с серыми полосами и рабочие ботинки. На левом рукаве — нашивка инженерной фирмы.

— Ты здесь живёшь? — спросил он.

— Полтора года.

Он знал, что она купила квартиру. Не знал адреса. В сообщении было написано: «Ключи получила». Он ответил: «Поздравляю. Проверь акт приёмки». Потом они говорили о другом.

— В какой башне?

— В четвёртой. Пап, здесь человек погиб.

— Мне сказали.

— И вам уже известно решение по выплате.

Громов вмешался:

— Полина Андреевна, не начинайте. Эксперт только приехал.

— Вот именно.

Она развернула экран телефона. Андрей увидел письмо с логотипом своей компании, номером дела и темой: «Предварительное уведомление об отсутствии страхового покрытия». Ниже стояло время отправки — 03:26.

— Откуда это у тебя?

— Общая почта совета дома. Елена дала мне доступ на время проверки систем. Письмо пришло сорок минут назад.

— Это может быть автоматическое уведомление о регистрации.

— Прочитай.

Он не взял телефон, наклонился к экрану. В письме было написано, что событие имеет признаки нарушения правил хранения литий-ионных аккумуляторов и потому не относится к страховому случаю. Упоминались посылочная зона, самокат и квартира 186. Внизу стояла фамилия Рогова.

— Где квартира сто восемьдесят шесть? — спросил Андрей.

— В третьей башне. Кирилл Седов. Его уже ищет полиция, потому что Громов сказал про аккумулятор.

— Я сообщил, что нашли пожарные, — возразил Громов. — Там батарея от самоката. Чья ещё?

— Её ещё не вынесли, — сказала Полина. — Место оцеплено.

— Я видел из коридора.

— И успел назвать квартиру?

Андрей выпрямился.

— Полина, ничего не пересылай и не меняй в почте. Письмо нужно сохранить с техническими заголовками.

— Я знаю, как сохранять письмо.

— Тогда сделай это.

— Не командуй мной. Напиши официальный запрос совету дома.

Она была права, и от этого её тон раздражал сильнее.

— Кто сейчас представляет совет?

— Пока никто. Заместитель едет. Я могу зафиксировать получение, но доступ дам только по запросу.

— Хорошо.

Громов усмехнулся.

— Семейное собрание потом проведёте? Нам бы акт составить.

Полина посмотрела на него так, что усмешка исчезла.

Из бокового коридора вышел мужчина в гражданской куртке и с бахилами поверх ботинок.

— Кто здесь Левин?

— Я.

— Нестеров, следственный отдел. Вызывать вас не я разрешал.

— Меня вызвал страхователь. За ленту без разрешения не пойду.

— Уже хорошо. У вас задача какая?

— Зафиксировать повреждения, обстоятельства и документы для страхового дела. К телу не прикасаюсь, предметы не изымаю, выводов о смерти не делаю.

Нестеров посмотрел в блокнот Андрея.

— А пишете что?

— Кто и что сообщил. С указанием, что это сообщение, а не установленный факт.

— Можете осмотреть холл и границу повреждений. В технический коридор — со мной, ничего не трогать. Фотографии только после согласования, тело в кадр не брать.

— Понял.

— И ещё. Ваша компания уже прислала нам письмо про аккумулятор. С фотографиями.

Полина коротко рассмеялась без веселья.

— Вы нашли аккумулятор? — спросил Андрей.

— Нашли предмет, похожий на аккумуляторный блок. Что стало источником огня, скажет пожарная лаборатория. Пока никто не скажет, откуда он там взялся.

— Фото можно увидеть?

— Те, что прислала ваша компания, — у своего начальника. Наши — после оформления и по запросу.

Андрей достал телефон. От Вадима Рогова было шесть пропущенных и сообщение: «Срочно перезвони. Формулировку не менять. Клиент проблемный».

Он набрал номер при Нестерове и отошёл только настолько, чтобы не мешать жильцам.

Рогов ответил сразу:

— Ты где?

— На объекте.

— Наконец. Я тебе дело открыл, материалы лежат в системе. Причина очевидная: нарушение хранения батареи, исключение по пункту восемь четыре. Берёшь фото, подтверждаешь локализацию и возвращаешься. Не надо там устраивать научную экспедицию.

— Кто сделал фотографии?

— Управляющая прислала.

Громов, стоявший в трёх шагах, услышал и быстро отвернулся.

— Громов говорит, место оцеплено, — сказал Андрей. — Следовательно утверждает, что ваши снимки были у него до оформления находки.

— Значит, пожарные переслали. Какая разница? Батарея есть, самокатчик есть, нарушение есть.

— Во сколько открыли дело?

— Андрей, четыре утра.

— Поэтому спрашиваю коротко: во сколько?

На линии стало тихо. Потом щёлкнула клавиатура.

— В 02:51. Первый звонок от управляющей.

— Письмо с отказом пришло в 03:26.

— Предварительное. Чтобы они не заказывали ремонт без согласования.

— Осмотр начался в 04:07.

— Ты хочешь получить медаль за часы? Нам известен предмет у очага.

— Кто установил очаг?

— Пожарные.

— Нестеров этого не подтверждает.

— Следователь занимается погибшей. Ты занимаешься стенами. Не путай профессии.

— Именно поэтому я не назову причину пожара до заключения лаборатории.

Рогов вздохнул.

— Открой приложение. Я дал тебе доступ. Там готовая форма, ничего придумывать не нужно. Подпишешь после осмотра.

Связь оборвалась.

Андрей вошёл в рабочее приложение. Дело действительно было открыто. В карточке стояли адрес, номер договора, предварительный ущерб в восемнадцать миллионов и причина: «термическое разрушение аккумулятора индивидуального электротранспорта при нарушении условий хранения». Под причиной серым шрифтом отображалось: «внесено В. С. Роговым, 03:02».

К карточке прикрепили четыре фотографии. На первой чёрный прямоугольный блок лежал у металлической стойки. На второй были оплавленные ячейки. На третьей — крупно маркировка батареи. На четвёртой — серый пол с длинной царапиной, похожей на крючок.

Андрей увеличил первый снимок. Пожарные метки отсутствовали. Не было ни ленты, ни номерной таблички, ни линейки. Стены за предметом выглядели чистыми. Такой снимок мог быть сделан до пожара, после пожара или в другом доме. Единственное, чего он не доказывал, — положение вещи в момент обнаружения.

— Что там? — спросил Нестеров.

Андрей показал экран, не отдавая телефон.

Следователь просмотрел фотографии.

— Это не наше место.

— Уверены?

— У нас стойка синяя. Здесь чёрная. И ячейки стоят в два ряда, а у вас на фото в три.

Громов шагнул ближе.

— Может, старая фотография из паспорта оборудования. Для примера.

— В страховом деле она подписана «место обнаружения», — сказал Андрей.

— Я не загружал.

— Рогов сказал, что прислала управляющая компания.

— Ваш Рогов много чего говорит.

Нестеров поднял ладонь.

— Оба сейчас ничего не удаляете. Левин, сделайте снимок экрана с временем. Потом официально запросим выгрузку.

Андрей зафиксировал карточку и список вложений. Приложение показывало не только время загрузки, но и создание каждого файла. Три фотографии были созданы четыре месяца назад. У четвёртой дата отсутствовала.

— Учебные, — сказал Громов. — У нас проводили учения.

— В каком доме? — спросил Андрей.

— Не помню. Мы обслуживаем пять объектов.

— Кто мог взять эти фотографии?

— Любой из диспетчеров. Может, Рогов сам сохранил.

— Откуда он знал, какие понадобятся?

Громов посмотрел на закрытую дверь технического коридора.

— Потому что я ему сказал про батарею.

— Вы увидели её до приезда полиции?

— После пожарных.

— Во сколько?

— Без двадцати три. Может, раньше.

— В 02:40?

— Я на часы не смотрел.

Нестеров записывал ответы в свой блокнот. Громов заметил это слишком поздно.

— Я не на допросе.

— Пока нет, — сказал Нестеров. — Но время уточним.

Он провёл их через внутреннюю дверь. За ней воздух был холоднее. Свет работал от переносных ламп. Вода покрывала пол тонким слоем и отражала белые стены. Справа начинался проход к посылочным ячейкам, слева — к лифтам и техническим помещениям. На полу лежали рукава, пластиковые обломки и куски потолочной плиты.

Андрей надел бахилы поверх ботинок и остановился у ленты. За ней виднелась синяя стойка, именно такая, как сказал следователь. Нижние ячейки почернели, верхние были залиты водой. На стене копотью выделялся неровный треугольник.

У дальней двери работали двое криминалистов. Между ними на полу лежал закрытый чёрный мешок. Андрей отвёл взгляд. Человек в мешке не относился к страховому покрытию стен и не мог становиться частью удобной причины.

— Её нашли там? — спросил он у Нестерова.

Следователь кивнул на пространство за противопожарной дверью.

— За створкой. Дверь была приоткрыта. Больше пока не скажу.

Андрей отметил положение двери на схеме. Металлическая створка стояла под углом. В верхней части висел доводчик, но соединительный рычаг был разомкнут: одна половина торчала из корпуса, второй не было.

— Пожарные снимали рычаг? — спросил он.

— Не знаю. Спросим.

— Можно сфотографировать общий вид без тела?

Нестеров дождался, пока криминалисты закроют обзор ширмой. Андрей сделал три кадра с одной точки, включив в них номер двери, доводчик и ленту. Потом записал расстояние до ячеек, не заходя за границу.

— Где аккумулятор? — спросил он.

Нестеров показал на номерную метку возле обугленного прямоугольника.

Сам предмет уже упаковали. Место находилось в полутора метрах от ячейки №47. Андрей не мог определить, горел ли аккумулятор первым. Он видел только пятно, оплавленный пластик и след воды. На металле стойки копоть поднималась выше слева, у стены. Это могло означать что угодно, пока специалист не проверит материалы.

— Сигнализация сработала? — спросил он.

— В 02:31 пришёл первый сигнал дыма. В 02:33 диспетчер вызвал пожарных. Первый расчёт у шлагбаума в 02:41.

— Можно записать?

— Эти времена — предварительные. Официальная выгрузка будет позже.

Андрей поставил рядом слово «предварительно».

— Управляющая звонила в страховую в 02:51, — сказал он.

— Через десять минут после пожарных.

— Да.

Он снова открыл карточку дела. Внизу была кнопка «Сформировать документ». Андрей нажал не её, а список версий. Система хранила автоматические сохранения. Первая версия отказа называлась «Четыре двораотказаккумулятор». Время создания — 01:48.

Он проверил часовой пояс приложения. Московское время. Телефон показывал тот же пояс. Первый сигнал дыма, по предварительным данным, пришёл в 02:31.

Документ появился за сорок три минуты до него.

— Нестеров, — позвал Андрей.

Следователь подошёл, но не пересёк ленту.

— Посмотрите на время.

— Номер версии виден?

— Да. И пользователь.

Создателем значился Вадим Сергеевич Рогов.

Громов остался у двери. Андрей видел его отражение в мокром полу: тёмная куртка, руки в карманах, неподвижные плечи.

— Может быть шаблон, — сказал Нестеров.

— Может. Тогда он должен называться шаблоном и не содержать адрес, номер договора, квартиру Седова и ячейку сорок семь.

— Содержит?

Андрей открыл документ. Адрес стоял на первой странице. На второй был описан аккумулятор Кирилла Седова из квартиры 186. На третьей упоминалась посылочная ячейка №47 как место первоначального возгорания.

Он прокрутил обратно и заметил строку, которую раньше не видел: «Основание для вывода — фотоматериалы осмотра от 14 декабря».

Сегодня было четырнадцатое декабря. Осмотр начался в 04:07. Документ сохранили в 01:48.

— Пришлите это официально, — сказал Нестеров. — Не пересылкой из телефона. Выгрузку системы, историю версий и сведения о пользователе.

— Запрошу у службы безопасности.

— Начальника предупредите?

— Он увидит запрос.

— Тогда сначала сохраните то, что доступно вам законно. Ничего не взламывайте и не копируйте чужие папки.

— Я знаю границы.

— Хорошо бы всем сегодня их знать.

Громов подошёл ближе.

— Что вы нашли?

— Готовый документ, — ответил Андрей.

— Рогов любит работать заранее.

— Заранее до чего?

— До вашего приезда. Я ему позвонил.

— Первый звонок зарегистрирован в 02:51. Документ создан в 01:48.

Громов посмотрел на экран, потом на Нестерова.

— Значит, система врёт.

— Проверим, — сказал следователь.

— Вы из-за ошибки часов хотите сделать из меня преступника?

— Пока вы единственный человек, который это слово произнёс.

Громов отошёл к стеклянной двери и кому-то позвонил. Голос понизил, но в пустом коридоре отдельные слова долетали ясно: «версия», «не подписывать», «сервера».

Андрей записал только то, что услышал полностью. Додумывать остальное было бы просто и бесполезно.

Полина ждала за внутренней дверью. Когда он вышел, она подала ему бумажный стакан с водой.

— Кофе закончился, — сказала она.

— Спасибо.

— Что внутри?

— Я не могу обсуждать место до разрешения следователя.

— А письмо своей компании можешь?

— Могу сказать, что решение до осмотра принимать нельзя.

— Но его приняли.

— Предварительное письмо можно отозвать.

— Елена получила его после смерти.

Андрей посмотрел на неё.

— Ты уверена во времени смерти?

— Нет. Я уверена, что она не читала письмо. Телефон нашли у неё, экран разбит. Последний раз она ответила мне в 01:39.

— О чём?

— Написала: «Они решили закрыть всё сегодня». Потом прислала файл с датчиками и попросила сохранить не в домовом облаке.

— Кто «они»?

— Не написала.

— Файл у тебя?

— У меня и ещё у двух членов совета. Я передам следователю.

— И страховой нужен официальный доступ к данным об ущербе.

— Сначала следователю. Потом представителю совета. Потом вам, если запрос будет законным.

Андрей выпил воду. В стакане пахло картоном.

— Ты правильно делаешь.

Полина не сразу поняла, что он не спорит.

— Это всё?

— Что?

— Ты не скажешь, что лучше знаешь порядок?

— Я знаю свой порядок. Ты отвечаешь за свой.

— Наконец-то.

Она забрала пустой стакан и пошла к жильцам. Андрей хотел спросить, почему она не сообщила адрес, почему позвонила не ему, когда начался пожар, почему чужому совету дома доверяла больше, чем отцу. Ни один вопрос не относился к тому, что требовалось сделать сейчас.

Он вернулся к столу консьержа и открыл новый лист осмотра. В графе «предварительная причина» поставил: «не установлена, ожидается заключение пожарной лаборатории». В графе «обстоятельства, требующие проверки» перечислил чужие фотографии, раннее создание отказа и несовпадение времени.

Приложение подсветило первую графу красным. Система требовала выбрать причину из списка. Андрей выбрал «прочее» и прикрепил пояснение.

Телефон зазвонил. Рогов.

— Ты открыл историю версий? — спросил начальник вместо приветствия.

— Открыл в пределах своего доступа.

— Там сбились часы после обновления.

— На сорок три минуты?

— На сколько угодно. Сервер перегружен. Не делай выводов по технике, в которой не разбираешься.

— Поэтому запрошу журнал у администраторов.

— Не запросишь. Я сам разберусь.

— В деле погибший человек и отказ до осмотра.

— Гибелью занимается полиция. Мы защищаем деньги компании.

— Компания защищает деньги условиями договора, а не готовым временем.

— Ты сейчас репутацию отдела кладёшь под ноги жильцам, среди которых твоя дочь. Думаешь, я не знаю?

Андрей посмотрел на Полину. Она стояла у лифтов и записывала фамилии тех, у кого вода дошла до кладовых.

— Это ты внёс в карточку её фамилию?

— Я внёс конфликт интересов, который ты обязан был сообщить.

— Я узнал пять минут назад.

— Тогда тем более отойди. Я пришлю другого эксперта, а ты возвращайся.

— Сначала закончу первичную фиксацию, согласованную со следователем. Потом письменно сообщу о дочери и передам решение службе контроля.

— Я твой начальник.

— Поэтому получишь копию.

Рогов отключился.

Андрей сохранил лист. Рядом со временем появилась зелёная отметка: 04:46. Он выгрузил доступную историю версий в защищённую папку дела и создал служебную запись о том, что сделал это до ограничения доступа. Потом отправил запрос администраторам на серверное время, журнал создания документа и первоначальные файлы фотографий.

Ответ пришёл почти сразу, но не от администратора. «Недостаточно полномочий. Обратитесь к руководителю подразделения».

Через минуту история версий исчезла из карточки.

На экране остался готовый отказ без прошлого.

Андрей проверил свою выгрузку. Файл открывался. В нём были номер версии, пользователь и 01:48.

Он записал контрольную сумму — длинный набор букв и цифр, который меняется, если изменить файл хотя бы в одном месте. Потом продиктовал номер Нестерову и отправил служебную записку в отдел внутреннего контроля.

Во дворе начинало светлеть. Чёрные купола камер проступили над входами яснее, но ни на одном не зажёгся индикатор.

Семь камер видели дверь и не запомнили никого.

Зато страховое дело помнило пожар за сорок три минуты до того, как дом почувствовал дым.

Глава 2. Чёрные купола

К девяти утра двор очистили от пожарных рукавов, но жилыцы всё равно обходили середину стороной. На асфальте остались белые полосы пены, подмерзавшие по краям. Дворник посыпал их солью и сердито отгонял мальчика, который пытался расколоть ледяную корку каблуком.

Андрей сидел в машине за шлагбаумом и ждал ответа внутреннего контроля. Печка работала на первой скорости. От мокрых бахил на резиновом коврикe натекла лужа, телефон лежал на пассажирском сиденье экраном вверх. За пять часов он получил тринадцать рабочих писем, но ни одного ответа на служебную записку. Зато пришло распоряжение Рогова: осмотр передать эксперту Никите Шелестову, самому Левину до выяснения обстоятельств не вступать в контакт со страхователем.

Андрей подтвердил получение. Спорить с отводом из-за дочери было бессмысленно. Полина действительно жила в застрахованном доме и представляла жильцов. Любой его вывод теперь можно было объявить услугой родственнице. Но отвод от оценки ущерба не превращал уже увиденное в несуществующее и не отменял обязанности сохранить сведения о возможной подмене документов.

Он открыл свою служебную записку и добавил короткое уточнение: распоряжение получил в 08:17, первичная выгрузка истории версий сохранена до распоряжения, новых действий в карточке страхового дела не совершает. Потом убрал телефон в карман и посмотрел на вход первой башни.

Над дверью висели два чёрных купола. Днём они выглядели ещё убедительнее, чем ночью. Один был направлен на лицо входящего, второй — на проход к шлагбауму. Человек, покупавший квартиру, мог увидеть их и решить, что двор помнит всё. На самом деле память вынули из дома девять дней назад.

Об этом Андрей пока не знал. Он знал только, что камеры не показывали изображения во время пожара и что Громов объяснил это водой. Проверить объяснение можно было без доступа к страховому делу.

Нестеров позвонил в 09:06.

— Вы далеко уехали?

— За шлагбаумом.

— Так и думал. Подойдите к посту охраны. Только теперь вы не осматриваете ущерб. Вы присутствуете при получении документов, которые вчера запрашивала Мальцева. Согласны понимать разницу?

— Согласен.

— И дочь свою не приводите.

— Она не у меня в подчинении.

— Это я уже заметил.

В посту охраны помещались стол, два монитора, чайник и шкаф, дверца которого не закрывалась из-за зимних курток. На стене висела схема двора с разноцветными секторами. У каждого сектора был номер камеры. Всего Андрей насчитал сорок восемь номеров: входы, лифтовые холлы, переходы, парковка, мусорные комнаты. На одном мониторе был открыт журнал посетителей. Второй показывал сетку из шестнадцати серых прямоугольников. В центре каждого стояла надпись «Нет связи».

Нестеров разговаривал с охранником, невысоким мужчиной лет шестидесяти. На нагрудной карточке было написано «С. П. Корнеев».

— Ещё раз, — сказал следователь. — Когда пропало изображение?

— Не сегодня. Я сразу говорил. В прошлый четверг.

— Число?

Корнеев посмотрел на календарь, хотя прошлый четверг уже был перечёркнут.

— Пятого. Утром ещё показывало, после обеда приехали гарантийщики. Сказали, сеть рвётся, будут менять блоки.

— Какие блоки?

Охранник повёл ладонью в сторону монитора.

— Откуда я знаю? Серые коробки из шкафа. Без них камеры висят для красоты. Обещали за два дня вернуть.

— Кто приехал?

— Двое. Фургон белый. Пропуска оформлял диспетчер.

— Фамилии видели?

— В журнале должны быть. Я одного запомнил: Лапшин. Потому что у нас участковый Лапшин, только другой.

На столе перед Нестеровым лежала прозрачная папка. Громов стоял у окна и потирал переносицу. Рядом с ним находилась женщина в сером костюме, представившаяся юристом управляющей компании Верой Самойловой.

— Мы уже объяснили, — сказала она. — Оборудование подрядчика находилось на гарантийном ремонте. Управляющая организация своевременно направила заявку. Связывать штатную неисправность с ночным происшествием оснований нет.

— Я пока связываю её только с отсутствием записи, — ответил Нестеров. — Покажите заявку.

Самойлова вынула из папки два листа. Первый был заявкой от четвёртого декабря: изображение на части камер рассыпается квадратами, архив открывается с задержкой. Второй — актом передачи оборудования от пятого. В перечне значились четыре сетевых блока, принимавших потоки от камер и передававших их на сервер. Серийные номера были вписаны от руки.

Андрей не стал тянуться к документу. Нестеров сам положил лист так, чтобы он видел.

— Что скажете? — спросил следователь.

— Пока ничего. Я не специалист по видеонаблюдению.

— Но читаете внимательно.

Андрей посмотрел на подписи.

— Акт составлен пятого декабря. Срок возврата — два рабочих дня. Сегодня четырнадцатое. Отметки о продлении нет.

— Девять календарных дней, — сказал Нестеров.

— Или семь рабочих, если считать с шестого и не включать выходные. В любом случае обещанный срок прошёл.

Громов отнял ладонь от лица.

— Они не смогли подобрать прошивку. Камеры китайские, блоки российские, поставщик один, обслуживает другой. Обычная история нового дома.

— Почему временно не вернули старые? — спросил Андрей.

— Потому что старые неисправны.

— В заявке написано, что неисправна часть каналов. Сейчас нет всех сорока восьми.

— Я не составлял заявку.

— Но подписали акт передачи.

Самойлова придвинула бумаги к себе.

— Андрей Викторович, насколько я понимаю, ваша компания отстранила вас от дела.

— От оценки страхового случая. Следователь попросил посмотреть документы, которые требовала погибшая.

— Основание просьбы?

Нестеров ответил прежде него:

— Основание я изложу в запросе. А пока беседую с людьми, готовыми отвечать добровольно. Вы можете закончить беседу. Тогда оригиналы этих листов доедут до меня другим путём, просто медленнее.

Самойлова отпустила папку.

Нестеров попросил Корнеева открыть журнал посетителей за пятое декабря. Охранник щёлкнул мышью, ввёл пароль одним пальцем и выбрал дату. В таблице появились фамилии курьеров, мастеров и гостей. Лапшина среди них не было.

— Может, через служебный вход прошёл, — сказал Корнеев. — Громов Денис Павлович лично встречал.

— Служебные гости не записываются? — спросил Нестеров.

— Должны. Но если начальство ведёт, я же не встану поперёк.

Громов повернулся от окна.

— Я никого не проводил. Приехала постоянная бригада подрядчика. У них служебные карты.

— Тогда проход должен быть в журнале карт, — сказал Андрей.

На несколько секунд в тесной комнате стало слышно, как в чайнике остывает вода. Громов посмотрел сначала на него, потом на серые окна видеосистемы.

— После пожара сервер недоступен.

— Сервер камер? — уточнил Андрей.

— Общий шкаф залило.

Корнеев покачал головой.

— Не общий.

Все повернулись к нему.

Охранник показал на стену за своей спиной.

— Камеры — в первом слаботочном. Двери — в каждой башне отдельно. Лифты вообще свои. Посылочные ящики через фирму идут. Когда интернет падал, я картой дверь открывал. Оно потом выгружает.

Громов сказал тихо:

— Сергей Петрович, не надо рассуждать о том, чего вы не знаете.

— А я не рассуждаю. Я здесь ночью сижу. Если всё одно, почему у меня дверь открылась, когда картинки не было?

Андрей подошёл к схеме, не касаясь её. Цветные линии от камер сходились к первой башне. Дверные считыватели были отмечены отдельными зелёными точками, лифты — синими квадратами. Дом не был одним устройством, которое можно целиком выключить кнопкой. Он был собран из нескольких независимых систем. Камеры могли ослепнуть, но дверь всё равно узнавала карту. Лифт считал поездки. Посылочная ячейка принимала код. Каждая часть помнила только своё, зато не зависела от чужой памяти.

— Выгрузки этих систем сохранились? — спросил Нестеров.

— Не знаю, — ответил Громов.

— Минуту назад вы сказали, что сервер недоступен.

— Я говорил о том, что видел ночью.

— Ночью вы видели аккумулятор до того, как его оформили, а сейчас не помните, какие серверы стоят в вашем доме. Придётся вам всё-таки выбрать область хорошей памяти.

Самойлова попросила сделать перерыв. Нестеров согласился и сфотографировал оба листа вместе с оборотами. Оригиналы она убирать не стала.

Андрей вышел на улицу. Снег перестал, небо стало ровно-белым. Во дворе работали люди в синих жилетах: ограждали проход к первой башне и прикручивали к стойкам временные фонари. Камеры над ними оставались чёрными.

Полина стояла возле детской площадки с женщиной в красной шапке. Увидев отца, она закончила разговор и подошла сама.

— Тебя отстранили? — спросила она.

— От осмотра ущерба.

— Громов уже написал в домовом чате, что страховая заменила эксперта из-за семейной заинтересованности.

— Это правда.

— Половина дома решила, что я устроила тебе доступ, вторая — что ты приехал закрыть дело.

— Ни то ни другое не меняет документы.

— Людям сейчас не до красивых формулировок.

— Мне тоже.

Она сунула руки в карманы куртки.

— Елена девять дней требовала вернуть камеры. У неё были письма.

— Они у тебя?

— Копии у совета дома. Оригиналы в её почте. Нестерову уже сказали.

— Что отвечала управляющая?

— Сначала «два рабочих дня». Потом «оборудование на согласовании». Вчера Елена написала, что пойдёт к застройщику и в жилищную инспекцию. Громов ответил: «Не создавайте панику, безопасность обеспечена другими средствами».

— Какими?

— Не перечислил.

— Ты проверяла камеры как инженер?

Полина подняла подбородок. Андрей узнал выражение, которое появлялось у неё ещё в школе, когда взрослый задавал вопрос, подозрительно похожий на проверку знаний.

— Моя фирма обслуживает автоматику тепловых пунктов, а не камеры. Но отличить отсутствие картинки от отключения всей сети я могу. Домовой коммутатор жив. У жителей интернет был до пожара и есть сейчас. Сняли именно блоки видеосистемы.

— Ты заходила в шкаф?

— Нет. Елена водила туда подрядчика совета дома, у него был допуск от управляющей. Я видела фотографии пустых мест в стойке.

— Передай их следователю с письмами и описанием, откуда получила. Не мне.

— Уже передаю.

Она сделала шаг, потом остановилась.

— Пап, почему ты всё время говоришь так, будто я собираюсь подложить тебе улику в карман?

— Потому что если ты отдашь её мне, Рогов скажет именно это.

— А ты ему веришь?

— Неважно, кому я верю. Важно, кто сможет потом испортить доказательство одним вопросом.

— Ты мог сказать это вчера.

— Вчера я сам понял не сразу.

Полина посмотрела на окна четвёртой башни.

— Елена всё делала по правилам. Письма, заявки, комиссии. И всё равно лежала за дверью, которую никто не видел.

— Камеры не единственные свидетели.

— Это ты сейчас утешаешь меня?

— Нет. Говорю, что отсутствие записи не означает отсутствие следов.

Она кивнула, будто приняла не утешение, а рабочую задачу.

— Тогда ищи следы честно.

— Других не умею.

— Умеешь не замечать неудобное. Это другое.

Полина ушла к четвёртой башне. Андрей не окликнул её. За последнюю фразу можно было обидеться позже, если останется необходимость.

Нестеров вышел из поста с прозрачной папкой под мышкой.

— Юрист решила, что добровольность полезна для здоровья, — сказал он. — Передали копии заявок и договор с гарантийщиками. Оригиналы изымем по порядку. Вы про отдельные журналы уверены?

— Корнеев уверен. Я только услышал разумное объяснение. Камера делает изображение и отправляет его через снятый блок. Считыватель двери сам принимает карту и сохраняет событие у своего управляющего блока. Это разные коробки и разные задачи.

— Проще.

— Если в квартире отключили телевизор, холодильник не забывает, когда открывали дверцу.

— Вот теперь понял.

— Но нужно подтвердить устройство именно этого дома. Схема на стене — ориентир, не доказательство.

— Запрошу проект, договоры обслуживания и выгрузки. Что именно просить, чтобы мне не прислали тысячу страниц мусора?

Андрей вынул блокнот.

— Журнал служебных карт по всем входам и переходам с четвёртого по четырнадцатое декабря. Отдельно сырые записи с полуночи до четырёх утра сегодня. По лифтам — вызовы, этажи, время, ошибки и вес, если контроллер его пишет. По ячейкам — номер, способ открытия, время, учетная запись и аварийные команды. Обязательно часовой пояс каждого устройства и сведения, сверялись ли его часы автоматически.

— Зачем десять дней по дверям?

— Чтобы увидеть обычное поведение карты. Одна запись ночью ничего не докажет, если мы не знаем, кому карта выдана и как ею пользовались раньше.

— А с четвёртого почему?

— За день до снятия блоков. Если кто-то использовал отключение камер как окно, подготовка могла начаться раньше.

Нестеров записал.

— Ещё?

— Не просить отчёт в виде красивой таблицы без исходных строк. Иначе вам пришлют пересказ. Нужны файлы так, как их выгружает оборудование, плюс контрольные суммы и подпись того, кто выгружал.

— Вы любите контрольные суммы.

— Они не дают файлу стать другим незаметно.

— Как пломба?

— Как пломба, которую можно проверить у копии.

— Хорошо. Привлеку специалиста. А вы что будете делать, если начальник запретил дело?

— Ждать внутренний контроль и отвечать на официальные вопросы. Самостоятельно в системы дома не полезу.

— Разумно. Непривычно, но разумно.

У двери первой башни появился молодой мужчина в дорогом пуховике и тонких кедах. Он шёл по снежной каше, глядя только в телефон, и едва не наступил на ограждение. Корнеев вышел из поста и махнул ему.

— Артём! Подожди. Ты пятого блоки отдавал?

Молодой человек остановился.

— Какие блоки?

— От камер. Ты дневной был.

— Я смену в два принял. Уже пусто было.

Громов показался в дверях поста.

— Сергей Петрович, вернитесь на рабочее место.

Охранник не двинулся.

— А кто журнал подписывал? Там моя фамилия, что ли?

— Никто вас ни в чём не обвиняет.

— Так я и спрашиваю, чего тогда бояться.

Артём посмотрел на следователя и понял, что оказался не в обычном утреннем споре.

— Я пятого пришёл в тринадцать пятьдесят, — сказал он. — Камер уже не было. То есть картинки. В журнале приёма смены написал.

— Где этот журнал? — спросил Нестеров.

— В комнате охраны. Бумажный, в нижнем ящике.

Корнеев резко повернулся к посту. Громов оказался ближе к двери, но Нестеров положил ладонь ему на плечо.

— Никто не торопится, — сказал следователь. — Сергей Петрович, покажете ящик. Денис Павлович, вы останетесь здесь.

Журнал нашли под пачкой старых квитанций. У него была синяя картонная обложка, угол размок от когда-то пролитого чая. Запись за пятое декабря начиналась в 07:42: «Пропадает 3, 8, 11 канал». В 10:16 кто-то другим почерком добавил: «По указанию Д. П. отключить архив до приезда сервиса». В 11:03 стояло: «Изображения нет все каналы». В 13:52 Артём принял смену и записал: «Блоки из стойки отсутствуют, акт не предъявлен».

Акт передачи, лежавший у Нестерова, был подписан в 16:30.

— Получается, блоки вынесли минимум за пять часов до акта, — сказал следователь.

— Время в бумажном журнале пишет охранник, — возразила Самойлова, снова появившаяся в дверях. — Он мог ошибиться.

— Мог, — согласился Андрей. — Поэтому надо проверить другие независимые времена.

— Вы опять участвуете в расследовании?

— Я стою рядом и умею читать часы.

Нестеров поднял журнал.

— Теперь он поедет со мной. Копию расписки оставляю.

Громов больше не спорил. Он достал телефон, увидел что-то на экране и впервые за утро побледнел. Сообщение он закрыл прежде, чем кто-либо успел подойти.

В 10:34 внутренний контроль наконец ответил Андрею. Служебную записку приняли, выгрузку истории версий потребовали передать через защищённое хранилище, прямое обращение к Рогову по этому вопросу запретили. На время проверки Андрей сохранял отвод от расчёта ущерба, но должен был дать письменные пояснения и мог исполнять запросы следствия через юридический отдел компании.

Это было меньше, чем ему хотелось, и больше, чем ожидал Рогов.

Андрей показал письмо Нестерову.

— Значит, официально, — сказал следователь. — Сейчас отправлю запрос через вашу контору. А пока один вопрос как специалисту. Если камер нет девять дней, можно ли установить, кто ночью вошёл в коридор?

— Можно установить, какая карта открыла дверь, какой лифт ехал, какую ячейку открывали. Человек и карта — не одно и то же. Придётся доказывать связь отдельно.

— Наконец-то кто-то не обещает мне чудо.

— Чудо плохо выдерживает перекрёстную проверку.

Они вернулись к машине Андрея. Нестеров положил на капот чистый лист и переписал адрес юридического отдела. В этот момент телефон следователя зазвонил. Он выслушал, дважды переспросил время и включил громкую связь только после согласия собеседника.

Говорил специалист, которого отправили снимать данные с оборудования дома.

— Дверные блоки живые, — сообщил он. — В первой башне локально есть события до двух тридцати семи. Потом пропадает питание. Во второй и четвёртой журналы продолжаются. Третья отвечает с ошибкой, но память читается.

— Ничего не выгружайте без оформления, — сказал Нестеров. — Зафиксируйте экран, модель, время устройства и кто присутствует.

— Уже. По ячейкам внешний сервис просит запрос владельца, но местный блок показывает последние операции.

Андрей поднял взгляд.

— Номер сорок семь виден? — спросил Нестеров.

На линии зашуршала бумага.

— Есть сорок семь. Открытие в два сорок шесть.

— Чем открыли?

— Здесь код операции «М». Расшифровку ищу. Остальные обычно «К» или «П».

— Сфотографируйте как есть. Не нажимайте ничего.

Нестеров отключился и посмотрел на Андрея.

— Первый сигнал дыма в два тридцать одну. Электричество в первой башне, по предварительным данным, пропало в два тридцать семь. А ячейка открылась в два сорок шесть.

— Если часы совпадают.

— Вы невозможный человек.

— Если часы совпадают и «М» означает местное ручное открытие, кто-то подошёл к ячейке после отключения питания и открыл её на самом блоке или аварийным способом. Но пока мы не знаем, что значит буква.

— А если это так?

— Тогда аккумулятор возле сорок седьмой не мог просто выпасть из неё при начале пожара. Его могли положить рядом позже.

Нестеров закрыл блокнот.

— Вот поэтому я и спрашиваю вас, хотя вы бесите меня каждым «если».

— «Если» дешевле ошибочного обвинения.

У шлагбаума остановился белый фургон без надписей. Водитель опустил стекло и назвал охраннику фирму, указанную в гарантийном акте. Корнеев сверился с листком и не поднял шлагбаум.

Из пассажирской двери вышел широкоплечий мужчина в рабочей куртке.

— Мы блоки привезли, — крикнул он. — Нам сказали срочно ставить.

Нестеров медленно повернулся к Громову.

— Девять дней не могли подобрать прошивку, а сегодня нашли за два часа?

Громов смотрел на фургон, не отвечая.

— Пусть стоят за воротами, — сказал следователь Корнееву. — Машину не открывать до осмотра. Документы взять через окно.

Мужчина у фургона начал кому-то звонить. Второй остался на пассажирском сиденье и отвернулся.

Андрей посмотрел на чёрные купола над шлагбаумом. Они видели, как приехали снятые блоки, но по-прежнему ничего не записывали. Дом оставался слепым только на первый взгляд. Бумажный журнал запомнил пустую стойку. Дверь сохранила касание карты. Ячейка отметила действие после того, как погас свет. Лифты ещё молчали, но их память уже собирались читать.

Кто-то девять дней рассчитывал на отсутствие изображения и не заметил, сколько вещей вокруг умеют считать время.

Глава 3. Ячейка сорок семь

Белый фургон простоял у шлагбаума сорок минут. За это время водитель трижды пытался уехать, дважды звонил начальству и один раз предложил оставить коробки охраннику под расписку. Нестеров на каждое предложение отвечал одинаково: машина дожждётся специалиста, коробки никто не тронет.

Андрей наблюдал из холла первой башни. В оценке ущерба он больше не участвовал, но официальный запрос следователя уже ушёл в страховую, и юридический отдел подтвердил, что возражений против пояснений нет. Рогов молчал. Его молчание ощущалось не как отсутствие давления, а как пауза перед новым способом надавить.

У посылочной зоны работал специалист в белом комбинезоне. Его звали Илья Круглов. Он поставил возле шкафа складной стол, разложил пакеты, пломбы и чистые карты памяти. На груди у него висела камера, снимавшая каждое движение рук. Нестеров попросил Андрея оставаться за лентой.

— Мне отсюда достаточно, — сказал Андрей.

— Всем сегодня достаточно, пока не начинается самое интересное.

Круглов сфотографировал экран местного блока, часы на своём телефоне и наручные часы Нестерова. На блоке было 11:22, на телефоне — 11:24. Разница составляла одну минуту сорок восемь секунд. Специалист записал её, потом отсоединил сетевой кабель, чтобы устройство не получило команду извне.

— Теперь можно листать, — сказал он. — Записи не меняются.

Последние операции помещались на маленьком зелёном экране по одной строке. Номер ячейки, дата, время и буква. Круглов нажимал стрелку, а Нестеров вслух называл каждый кадр. У сорок седьмой действительно стояло: 14 декабря, 02:46:13, «М».

— Что означает буква? — спросил следователь.

— В руководстве должна быть расшифровка.

— Наизусть не знаете?

— У разных моделей разное. Не хочу угадывать.

Громов, стоявший рядом с юристом, сказал:

— Наверное, мобильное приложение. Там открывают телефоном.

Круглов посмотрел на табличку с моделью.

— У этой версии нет приложения для жильцов.

— Значит, мастер-код.

— Может быть. Проверим по инструкции.

Андрей записал обе реплики. Громов предлагал объяснения быстрее, чем человек у оборудования успевал найти факты.

Круглов выгрузил журнал на новую карту памяти, посчитал контрольную сумму и передал запечатанный пакет Нестерову. Вторую копию сделал при представителе компании, обслуживавшей ячейки. Представитель приехал через десять минут — сонный мужчина по фамилии Климов с папкой инструкций и связкой механических ключей.

Он открыл руководство на странице с кодами.

— «К» — код получателя, — прочитал Нестеров. — «П» — команда с панели оператора. «М» — механическое открытие сервисным ключом.

— Ключом можно открыть одну дверь? — спросил Андрей.

Климов кивнул.

— Снимается нижняя планка, вставляется ключ в сервисную муфту напротив нужной ячейки. Электричество не требуется. Датчик положения питается от внутренней батарейки и пишет событие, когда защёлка двигается.

— У кого ключи?

— Один у нашей аварийной бригады, один должен храниться у управляющей компании в опечатанном пенале.

— Должен? — переспросил Нестеров.

— По договору.

Громов вздохнул.

— Пенал в диспетчерской. Во время пожара могли вскрыть, чтобы проверить ячейки.

— Кто мог? — спросил следователь.

— Пожарные. Охрана. Диспетчер.

— Назовите человека.

— Я не стоял рядом с пеналом.

Климов покосился на него.

— Пожарным ключ не нужен. У нас дверца тонкая, они бы её отжали. И отметки «М» тогда могло не быть.

Самойлова вмешалась:

— Это предположение сотрудника подрядчика. Просьба не представлять его как установленное обстоятельство.

— Так и запишем, — сказал Нестеров. — Теперь покажите пенал.

Диспетчерская находилась во второй башне. На стене между шкафом с ключами и аптечкой висел красный металлический футляр размером с книгу. Проволочная пломба была целая, но номер на ней не совпадал с номером в журнале. В журнале значилось 381744, на пломбе — 392108.

Дежурная диспетчер Марина Жукова долго листала страницы, надеясь найти запись о замене.

— Мы каждый месяц проверяем, — сказала она. — Вот, первого декабря всё было на месте.

— Кто проверял? — спросил Нестеров.

— Денис Павлович и я.

— Номер пломбы сверяли?

Жукова провела пальцем по строке. В графе номера стоял прочерк.

— Наверное, забыли записать.

— Кто мог заменить пломбу после проверки?

— У нас такие в хозяйственном шкафу лежат. Но ключ от пенала только у Дениса Павловича.

Громов стоял в дверях.

— Запасной у главного инженера. И у самой Марины доступ в диспетчерскую круглосуточный.

— Я даже не знаю, где ключ от футляра, — возразила она.

— В вашем столе.

— В запечатанном конверте. Я его не открывала.

Нестеров попросил никого не двигаться. Круглов снял футляр крупным планом, проверил крепления и только потом разрешил Жуковой достать конверт. Он оказался запечатан прозрачной лентой. Под лентой стояла подпись Мальцевой и дата — первое декабря.

Ключ был внутри.

— Значит, открывали другим, — сказал Климов. — Или снимали заднюю стенку пенала. Там обычные винты.

На двух нижних винтах краска была содрана. Круглов подсветил их фонарём и сфотографировал. На полу прямо под футляром лежала короткая металлическая стружка. Её собрали в пакет.

Громов перестал предлагать версии.

Когда они вернулись к ячейкам, Климов сверил номера всех дверец с журналом монтажа. Сорок седьмая находилась во втором ряду снизу, почти у самого края обгоревшего участка. Её дверца почернела снаружи, но замок сохранился. Внутри лежал смятый картонный пакет с синей полосой.

— Его уже осматривали? — спросил Андрей.

— Вчера открыли с криминалистом и закрыли обратно, — сказал Нестеров. — Ничего не вынимали до специалиста по пожару.

Круглов надел новые перчатки. Дверца открылась штатным кодом оператора. Пакет оказался сухим с той стороны, которая была обращена к задней стенке, и мокрым сверху. На наклейке читалась фамилия получателя: Орлова. Отправитель — городская аптека. Вес при закладке: триста восемьдесят граммов.

Внутри, после разрешения следователя, нашли две коробки таблеток от давления, упаковку тест-полосок и чек. Никакого аккумулятора, зарядного устройства или свободного места для тяжёлого блока.

— Получательница забрала не всё? — спросил Нестеров.

Климов посмотрел журнал.

— Ячейку загрузили тринадцатого в 18:12. Код получателя не использован. В 02:46 — механическое открытие. После этого дверь закрыта. Весового датчика здесь нет, так что система содержимое не знает.

— Орлова где живёт?

— В первой башне, квартира двадцать девять, — ответила Жукова. — Тамара Ивановна. Она после эвакуации у сына.

Нестеров позвонил ей при включённой записи и объяснил причину вопроса. Пожилая женщина подтвердила заказ. Забрать его вечером она не успела: разболелось колено. Открывать ячейку никого не просила, код не сообщала. Про аккумулятор Кирилла Седова впервые услышала из домового чата утром.

— Значит, номер сорок семь понадобился не потому, что в нём лежала батарея, — сказал Нестеров после звонка.

— Он понадобился тому, кто заранее вписал этот номер в отказ, — ответил Андрей. — Но сначала надо понять, почему выбрали именно его.

Климов присел возле стойки.

— Сервисная муфта здесь, — показал он на узкую планку под дверцами. — Чтобы открыть сорок седьмую, надо снять два фиксатора и повернуть ключ. На коленях или сильно нагнувшись. В темноте неудобно.

— После отключения света аварийное освещение работало? — спросил Андрей.

— В коридоре да, — сказала Жукова. — Минут сорок должно держать.

Круглов посветил вдоль пола. Между стойкой и стеной тянулась полоса копоти, пересечённая более светлым прямоугольником. Предмет, лежавший там во время оседания дыма, позже сдвинули или подняли. Место аккумулятора, отмеченное криминалистами, находилось на тридцать сантиметров левее светлого следа.

— Смотрите, — сказал специалист.

Нестеров присел рядом, не заходя за метки.

— Что это доказывает?

— Пока только то, что прямоугольный предмет менял положение. Либо его передвинула вода, либо человек, либо пожарный рукав.

Андрей посмотрел на направление потёков. Вода шла от технической двери к холлу, справа налево. Светлый прямоугольник находился правее конечной метки. Если блок тащило

водой, он двигался бы в ту же сторону. Но аккумулятор весил несколько килограммов, и мелкая вода вряд ли могла сдвинуть его ровно на тридцать сантиметров.

— Можно проверить нижнюю сторону упаковки? — спросил он.

— Уже в лаборатории, — ответил Нестеров. — Но предварительно там почти нет копоти.

Пожарный специалист это отметил.

— То есть предмет появился на закопчённом полу после того, как дым уже осел.

— Или его перевернули.

— Да.

— Опять ваше любимое слово?

— «Или» не хуже «если».

Нестеров усмехнулся и попросил Круглова измерить светлый след. Длина совпала с аккумулятором в пределах сантиметра, ширина — тоже. На правом краю виднелись две параллельные царапины. Такие же царапины были на учебной фотографии, которую Рогов приложил к делу, только там они тянулись по чистому серому полу другого дома.

Андрей открыл сохранённый снимок на телефоне, не входя в страховое приложение.

— Вот эта форма, — сказал он Нестерову. — На чужом фото аккумулятор с двумя выступами снизу. Если найденный блок той же модели, выступы могли оставить след.

— Или фото использовали, чтобы подобрать похожий аккумулятор, — сказал следователь.

— Для этого его должны были видеть заранее.

Кирилл Седов приехал в дом ближе к полудню в сопровождении адвоката. Ему было тридцать два, на лице осталась полоса от маски, которую он снял у входа. Он сразу спросил, где его аккумулятор.

— Какой именно? — ответил Нестеров.

— От самоката. Мне сосед написал, что его нашли здесь.

— Вы узнавали предмет?

— На фотографии из чата. Похож на мой. У него наклейка сбоку содрана углом.

— Когда вы видели его последний раз?

Кирилл посмотрел на адвоката. Тот кивнул.

— Вчера утром. Я отнёс самокат в гарантийную мастерскую, потому что заряд пропадал.

Мастер попросил оставить батарею отдельно.

— Адрес мастерской?

— На Промышленной. Заказ в телефоне есть.

— Почему аккумулятор оказался в доме?

— Не знаю. Я его мастеру отдал.

— Кто знал, что вы сдаёте его?

— Громов. Мы ругались из-за хранения самоката. Он увидел меня у лифта с батареей и сказал, что оштрафует. Я ответил, что как раз увожу её в ремонт.

Громов, находившийся в конце коридора, услышал фамилию и подошёл.

— Я предупредил жильца о правилах пожарной безопасности. Это моя обязанность.

— Во сколько было? — спросил Нестеров.

— Около девяти.

Кирилл покачал головой.

— В половине одиннадцатого. Я на такси уехал в 10:38.

— Аккумулятор был при вас?

— В чёрном чехле. Я показал ему наклейку сервиса в телефоне.

— Мастерская выдаст запись приёма?

— Там камера над стойкой и электронный заказ. Конечно.

Андрей ничего не сказал. Камера мастерской могла оказаться полезной, но дело всё равно не должно было держаться только на ней. Были заказ такси, приёмная квитанция, переписка с мастером и, возможно, вес посылки или движение служебной тележки. Один источник можно было потерять. Пять независимых времён складывались труднее.

Нестеров отвёл Кирилла и адвоката в комнату охраны. Через полчаса вернулся с копией квитанции. Аккумулятор приняли тринадцатого декабря в 11:17. В 16:42 мастерская закрыла заказ: клиент отказался от ремонта, устройство выдал сотрудник по предъявленной фотографии паспорта Кирилла.

— Я не отказывался, — сказал Кирилл. — И паспорт никому не отправлял.

— Фотография настоящая?

Он посмотрел на копию, которую прислала мастерская.

— Это страница из договора с управляющей компанией. Я подавал заявление на пропуск для ремонта квартиры, там была копия.

Громов находился уже не в коридоре. Самойлова сказала, что он уехал по срочному вопросу, не дожидаясь окончания осмотра фургона.

В фургоне лежали четыре сетевых блока с теми же серийными номерами, что в акте. Пломбы производителя были сорваны, но на винтах почти не было следов. Специалист включил один через переносной источник питания. Блок загрузился за сорок секунд и показал исправные каналы.

— А прошивка? — спросил Нестеров.

Представитель гарантийной фирмы пожал плечами.

— Та же, что при поступлении. Мы дефект не подтвердили.

— Почему держали девять дней?

— Нам сказали не возвращать до команды заказчика.

— Кто сказал?

— Заявку вёл менеджер. Я водитель, меня утром подняли и отправили.

— Документы на возврат?

Водитель протянул накладную. Она была создана сегодня в 08:43 — уже после того, как Нестеров начал спрашивать о снятых блоках.

К обеду отдельные куски ночи перестали выглядеть случайными. Камеры убрали заранее и держали в исправном состоянии вне дома. Аккумулятор Кирилла забрали из мастерской по копии документа, хранившейся у управляющей компании. Ячейку с аптечной посылкой открыли механическим ключом после отключения электричества. На полу остался чистый прямоугольник, совпадавший с формой аккумулятора, а сам блок нашли чуть в стороне.

Но между этими кусками всё ещё не было человека.

— Вы уже решили, что это Громов? — спросил Нестеров, когда они вышли во двор.

— Нет.

— Даже после копии паспорта?

— К ней имели доступ сотрудники управляющей. Ключ могли вынуть через заднюю стенку пенала. Блоки вывез подрядчик. Громов подписывал документы, но подпись не ставит его у ячейки в 02:46.

— Защищаете?

— Разделяю то, что известно, и то, что хочется доказать.

— А что известно?

Андрей загнул палец в перчатке.

— Аккумулятор был в мастерской. Его получил другой человек. В отказе Рогова номер ячейки появился до пожара. В сорок седьмой лежала аптечная посылка, а не батарея. После пропадания питания ячейку открыли механически. Аккумулятор стоял на полу достаточно

долго, чтобы вокруг легла копать, потом его сдвинули. Это похоже на подготовленную картину причины пожара.

— А что неизвестно?

— Кто принёс блок. Кто вынул сервисный ключ. Для чего открывали именно сорок седьмую. И начался ли огонь там, где лежал аккумулятор.

Нестеров посмотрел на первую башню.

— Пожарный специалист предварительно считает, что сильнее выгорела ниша у стены, в метре от блока. Там кабельный ввод.

— Тогда аккумулятор мог вообще не быть источником.

— Мог. Заключение будет не сегодня.

У Андрея завибрировал телефон. Письмо пришло из внутреннего контроля. Вадим Рогов сообщил, что документ с временем 01:48 был создан как учебный шаблон во время ночной проверки готовности отдела, а адрес и номер квартиры автоматически подтянулись позже. Контроль просил Андрея не обсуждать рабочие версии вне компании до завершения проверки.

Он показал письмо Нестерову.

— Удобно, — сказал тот.

— Проверяемо. Если адрес подтянулся позже, в первой версии его не будет. Но в моей выгрузке первая сохранённая версия уже адресная.

— Отдадите сегодня?

— Через защищённое хранилище и юридический отдел. С уведомлением о передаче.

— Иногда мне кажется, что ваши правила придуманы, чтобы никто ничего не получил.

— Иногда так и используют. Но если обойти их сейчас, Рогов потом назовёт файл украденным или изменённым.

Нестеров кивнул без удовольствия.

В дверях четвёртой башни появилась Полина. Она не подошла, только подняла телефон. Андрею пришло сообщение: «Совет передал Нестерову письма Елены и фотографии стойки. По официальному акту. Не через тебя».

Он ответил: «Правильно».

Три точки появлялись и исчезали. Наконец Полина написала: «Это не похвала, папа. Просто порядок».

Андрей убрал телефон.

На обратном пути к машине он остановился у посылочных ячеек. За ленту заходить было нельзя, но номер сорок семь читался из холла. Маленькая дверца ничем не отличалась от соседних. Ночью кто-то нагнулся к ней с сервисным ключом, открыл среди дыма, увидел чужие лекарства и снова захлопнул. Возможно, нужно было оставить пустую ячейку. Возможно, забрать то, что спрятали раньше. Возможно, лишь создать запись, подходящую к уже готовому отказу.

Аккумулятор лежал не внутри. Он лежал рядом, как подпись под заранее написанным объяснением.

Дом не снял руку, которая его положила. Но он запомнил, когда эта рука открыла не ту дверцу.

Глава 4. Дверь помнит карту

Выгрузку из дверной системы привезли не по электронной почте. В половине третьего во двор «Четырёх дворов» въехала белая машина лаборатории, и женщина в серой куртке вынесла из неё прозрачный пакет с маленьким чёрным блоком. Блок походил на дешёвый домашний роутер, только вместо антенн у него торчали две короткие колодки проводов.

— Контроллер сняли целиком? — спросил Андрей.

— Копию памяти сделали на месте, — ответила женщина. — Это запасной модуль для чтения. Оригинал опечатан и остался в шкафу. Следовательно попросил показать вам устройство, чтобы не пришлось объяснять на пальцах.

Её звали Марина Лазарева. Она работала в фирме, обслуживавшей доступ в жилом комплексе, но приехала не одна: рядом стоял Круглов, специалист следственной группы, а на пакете уже были номер, время и подписи понятых. Нестеров появился через минуту с двумя бумажными стаканами и один протянул Андрею.

— Юристы вашей компании подтвердили, что вы можете участвовать как специалист по устройству временной картины, — сказал он. — Ущерб не считаете, вывод о причине пожара не делаете. Смотрите копию вместе со всеми.

— Именно так и просил.

Они разместились в бывшей комнате продаж на первом этаже второй башни. На стене ещё висел план жилого комплекса, где дворы были зелёными, люди — беззаботными, а стеклянные двери почему-то всегда стояли открытыми. В действительности дверь между первой башней и тёплым переходом закрывали доводчик и электромагнитный замок. Через неё можно было пройти к подземной кладовой, колясочной, техническому коридору и холлу с посылочными ячейками, не выходя во двор.

Лазарева положила на стол схему.

— Сначала простое объяснение, — сказала она. — Человек прикладывает карту. Считыватель передаёт её номер вот этому контроллеру. Контроллер сверяется со своим списком и решает, снять замок или нет. Даже если центральный сервер недоступен, последние разрешения хранятся здесь. Поэтому дверь работает без интернета и помнит события.

— Что именно она помнит? — спросил Нестеров.

— Номер карты, время решения, открылась ли створка и когда снова закрылась. Но не имя человека. Имя находится в другой базе, где номер карты привязан к сотруднику или квартире.

Андрей кивнул. Это различие стоило повторить сейчас, пока всем хотелось получить фамилию из одного ряда цифр.

— Значит, запись докажет использование карты, но не того, кто держал её в руке.

— Верно. И ещё часы контроллера могут спешить или отставать. Мы сравнили их с точным временем при изъятии. Сегодня модуль спешил на одну минуту сорок две секунды. Но нельзя просто вычесть это из каждой старой записи: часы могли уйти постепенно или их могли поправить.

Круглов развернул акт. Последнюю автоматическую сверку времени центральный сервер провёл тринадцатого декабря в 18:00. Тогда расхождение составляло четыре секунды. После этого связь пропала. За двое с небольшим суток часы контроллера убежали почти на две минуты.

— Для нашей ночи можно определить промежуток, — сказал Андрей. — Не секунду, а границы.

Лазарева открыла на ноутбуке исходный файл. В нём шли короткие строки: дата, время, номер двери, номер карты, решение замка, состояние створки. Рядом она вывела человеческое описание, подготовленное программой, но Андрей попросил оставить обе версии на экране.

— Перевод удобен, — сказал он, — только ошибку иногда прячет именно удобство.

С полуночи дверь перехода использовали семь раз. Дважды проходила уборщица со своей картой, один раз жилец из второй башни, возвращавшийся с парковки. В 01:58 по часам модуля дверь открыли картой с номером, заканчивавшимся на 7314. Система разрешила проход. Створка отошла от коробки, но обратного сигнала о закрытии не было три минуты восемь секунд.

Затем датчик показал закрытое положение. Через двадцать две секунды та же карта снова появилась у считывателя, однако дверь уже не открылась: запись говорила, что створка и так не заперта. Ещё через одиннадцать секунд магнит наконец принял нагрузку.

— Человек придерживал дверь? — спросил Нестеров.

— Или подложил что-то, — ответила Лазарева. — Или створка сама не дошла до коробки. Контроллер знает только положение маленького контакта. Причину он не видит.

— А повторное прикладывание?

— Похоже на попытку открыть то, что кажется закрытым. Но это уже толкование.

Андрей записал времена отдельно. Первый сигнал дыма, по предварительной сводке, пришёл в 02:31. Отключение электричества первой башни произошло около 02:37. Дверь держали открытой примерно за полчаса до дыма. Этого хватало, чтобы пройти с тележкой и вернуться, но пока не связывало дверь ни с аккумулятором, ни с Еленой.

— Чья карта? — спросил Нестеров.

Лазарева открыла вторую выгрузку. Номер 7314 числился не за человеком, а за управляющей компанией. В графе владельца стояло: «Служебная универсальная №6». Выдали её одиннадцать месяцев назад начальнику объекта Денису Громову. Последняя плановая проверка карт была в сентябре; напротив шестой имелась электронная отметка «в наличии».

Нестеров откинулся на спинку стула.

— Получается, Громов.

— Получается, использовали карту, которая была закреплена за Громовым в сентябре, — сказал Андрей. — Мы ещё не знаем, где она была ночью и кто имел к ней доступ.

— Вы каждый раз будете оставлять ему дверь для выхода?

— Я оставлю её фактам. Если карта лежала в незапертом ящике диспетчерской, ею мог воспользоваться любой сотрудник. Если Громов заявил об утрате неделю назад, список владельцев устарел. Если номер скопировали, пластик вообще мог оставаться у него в кармане.

Лазарева поддержала его не словами, а ещё одним окном на экране. Такие карты можно было продублировать на совместимую заготовку, если кто-то ненадолго получал оригинал. Контроллер отличал номера, но не куски пластика с одинаковым номером.

— Система не хранит тайный отпечаток каждой карточки, — объяснила она. — Для неё два одинаково записанных пропуска — один ключ.

Нестеров потёр переносицу.

— То есть у нас служебная карта без владельца.

— У нас служебная карта с учётным владельцем, — поправил Андрей. — Это уже не ничего. Просто не человек у двери.

Они запросили бумажный журнал выдачи. Жукова принесла толстую синюю папку. Универсальные карты выдавали под подпись, но шестая строка была заполнена только при первоначальном получении. Возвратов, временных передач или утраты не отмечалось. На внутренней стороне дверцы шкафа висела памятка: служебные пропуска запрещено оставлять на посту.

— Громов носит её на связке, — сказала Жукова. — По крайней мере, носил. У него синий брелок, ключ от техпомещений и две карты.

— Когда вы видели связку последний раз? — спросил Нестеров.

Она подумала.

— Вчера днём. Он открывал кладовую с моющими средствами.

— После пожара?

— После. Часов в одиннадцать.

— Номер карты видели?

— Нет. На ней только наклейка «УК».

Андрей попросил показать все универсальные карты, которые находились в здании. Их оказалось четыре вместо восьми. Одна лежала у дежурного техника, две — в сейфе диспетчерской, ещё одну Жукова достала из кармана. Карты Громова среди них не было. Седьмую забрал электрик на соседний объект, восьмая считалась сломанной и хранилась в главном офисе.

— Где сам Громов? — спросил Нестеров.

— С утра не приезжал, — ответила Жукова. — Телефон включён, но на мои звонки не отвечает.

Следователь отошёл к окну и набрал номер сам. Разговор длился недолго. Громов согласился явиться к четырём с адвокатом и по просьбе Нестерова не пользоваться служебными картами до осмотра.

Пока ждали, они пошли к двери перехода. Следы пожара здесь были слабее: серые разводы на потолке, мокрый плинтус, запах сырой штукатурки. Красная створка выглядела тяжёлой, хотя открывалась одним пальцем. Верхний рычаг доводчика состоял из двух металлических планок. Та, что крепилась к коробке, была на месте. Вторая сходилась с ней под углом и заканчивалась свежей гайкой.

— Её уже чинили? — спросил Андрей.

— Временно собрали утром, чтобы дверь закрывалась, — сказала Жукова. — Следователь разрешил после фиксации.

Нестеров показал фотографии до ремонта. На них конец тяги висел свободно. Соединительный винт отсутствовал. Отдельно был снят пустой паз на рычаге, а рядом — царапина до светлого металла.

— Мы решили, что винт выпал при ударе дверью, — сказал Нестеров.

Лазарева открыла створку и отпустила. Та плавно пошла назад и захлопнулась. Затем техник выкрутил соединительный винт на несколько оборотов, оставив его в пазу. Дверь закрылась медленнее, но всё же дошла до магнита.

— Одной слабой затяжки мало, — сказал он. — Чтобы створка зависла, надо либо разъединить тягу, либо сильно уменьшить усилие на корпусе.

Корпус доводчика имел два регулировочных винта. Один отвечал за основной ход, второй — за последние несколько градусов, когда дверь должна преодолеть сопротивление уплотнителя и прижаться к коробке. На втором винте синяя заводская метка не совпадала с риской. Вокруг отверстия виднелся чистый круг, будто туда недавно вставляли отвёртку.

Круглов снова вызвал криминалиста. До его прихода к винтам никто не прикасался. Сделали крупные снимки, сняли размеры, защитили поверхность плёнкой. Техник объяснил, что ослабленный последний ход мог оставить дверь в сантиметре от закрытия. Датчик в таком положении всё ещё показывал открытую створку, а магнит не держал.

— Тогда зачем разъединять рычаг? — спросил Нестеров.

— Чтобы дверь не закрылась совсем, если её толкнули шире, — ответил техник. — Или рычаг разошёлся позже от нагрузки. Надо исследовать края паза и резьбу.

Андрей присел, не касаясь двери. На нижней кромке оставалась серая полоса. Не царапина, а матовый след шириной с палец. Рядом на полу Круглов раньше отметил две маленькие вмятины.

— Здесь что-то подкладывали? — спросил Андрей.

— Могли поставить клин, — сказал техник. — Но след слишком мягкий для металла.

Жукова вспомнила резиновый ограничитель, которым уборщицы удерживали двери при мытье пола. Обычно он лежал на тележке в хозяйственной комнате. Ограничитель нашли там же, мокрый, с чёрной копотью на широкой стороне. На узком ребре копоти почти не было.

— После пожара им пользовались? — спросил Круглов.

Уборщицу вызвали по телефону. Она сказала, что утром брала другой, красный клин из второй башни. Чёрный считала потерянным ещё со вчерашнего вечера. Последний раз видела его около семи, когда закончила мыть переход.

Клин упаковали. Его размеры совпали с матовой полосой лишь приблизительно; это была улика для проверки, не готовый ответ.

Андрей прошёл через дверь в сторону первой башни и посмотрел назад. Считыватель находился только со стороны перехода. Из холла дверь открывалась нажатием на горизонтальную планку. Человек со служебной картой мог прийти из перехода, приложить её, придержать створку клином, провести тележку в холл и вернуться без второго чтения. Но журнал показывал повторное прикладывание через двадцать две секунды после первого закрытия датчика. Значит, кто-то оказался со стороны считывателя снова — либо вообще никуда не уходил.

— Можно сопоставить эту дверь с соседней? — спросил Андрей. — Если человек пришёл из второй башни или с парковки, там должна остаться запись.

Лазарева открыла выгрузку остальных контроллеров. Служебная карта 7314 в ту ночь нигде больше не появлялась. Ближайшее событие с ней датировалось предыдущим днём: в 17:24 открыли наружную калитку хозяйственного двора. Но жилые двери пропускали людей и по кнопке изнутри, а дверь из парковки могла быть поднята автомобилем. Отсутствие записи не доказывало отсутствие человека.

У двери нашлось ещё одно время. В 02:34 по её собственным часам контакт снова сменился на «открыто» без чтения карты. Створка оставалась так до 02:58, когда пожарный зафиксировал её ремнём. Между первым незакрытием и вторым прошло чуть больше получаса.

— В 02:34 уже был дым, — сказал Нестеров. — Её могли открыть при эвакуации.

— Или раньше, если часы убежали, — заметила Лазарева. — Но не на полчаса. Максимум на пару минут.

Андрей посмотрел на путь к ячейкам. Первое событие в 01:58 было подготовкой: дверь удержали, проверили, что она не запирается, и оставили доводчик слабым. Второе могло быть следствием пожара, бегущих людей или возвращения того же человека. Между ними кто-то успел пройти по внутреннему коридору, где не было работающей камеры.

— Нам нужен журнал ремонта доводчика, — сказал он. — Кто и когда последний раз регулировал его.

Жукова нашла заявки в рабочем телефоне. Три дня назад жительница первой башни жаловалась: «Дверь в переход бьёт по спине, невозможно пройти с коляской». Заявку закрыли в тот же день с пометкой «отрегулировано». Исполнителем значился техник Артём Савин. Время закрытия — 19:06.

Савин работал в подвале второй башни и пришёл через десять минут. Молодой мужчина с обветренными руками сперва решил, что его обвиняют в плохом ремонте.

— Я скорость уменьшил совсем немного, — сказал он. — Дверь хлопала из-за мороза. Рычаг не разбирал. Синий лак после себя нанёс, как положено.

— Здесь метки разошлись, — сказал Круглов, показывая фотографию.

— Тогда после меня крутили. Я ставил риску напротив. И тяга была затянута. Я проверял десять раз: у нас дети через переход ходят.

— Кто принял работу?

— Громов. Подошёл, дёрнул дверь, сказал, что теперь слишком медленно. Я при нём добавил скорость. Он расписался в телефоне.

В электронной карточке действительно была подпись учётной записью Громова. Она доказывала только принятие ремонта, не последующую порчу. Но круг тех, кто знал о настройке и мог незаметно объяснить слабый доводчик небрежностью техника, становился меньше.

— У вас отвёртки особенные? — спросил Андрей.

— Обычный шестигранник на три и плоская. Такие в любом наборе.

— В управляющей компании есть?

— В каждом ящике.

Когда Громов приехал, он принёс связку ключей в прозрачном пакете, который дал ему адвокат. На синем брелоке висели две белые карты без номеров. Лазарева прочитала обе переносным прибором. Первая заканчивалась на 7314. Вторая была пропуском в офис управляющей компании.

— Карта всё время была у вас? — спросил Нестеров.

— Да.

— Ночью тоже?

— В куртке. Куртка висела дома.

— Кто мог её взять?

— Никто. Я живу один.

— Значит, дверь открывали вы?

Адвокат поднял руку, но Громов ответил раньше:

— Нет. Я был дома. Если система пишет мой номер, значит, номер скопировали. Вы сами это знаете.

— Когда вы заметили карту на связке после пожара?

Громов помолчал.

— Утром, когда приехал сюда. Открыл хозяйственную комнату.

— Какой из двух карт?

— Не помню. Они одинаковые.

Лазарева проверила утренний журнал. В 10:52 хозяйственную комнату действительно открыли картой 7314. Это подтверждало, что карта или её копия работала после пожара. Но не говорило, какой кусок пластика использовали ночью.

— Почему вы вчера уехали до окончания осмотра фургона? — спросил Нестеров.

— В главном офисе прорвало трубу.

— Кто вас вызвал?

— Диспетчер.

— Имя?

Громов назвал женщину. Нестеров записал и не стал спорить.

Андрей спросил о доводчике. Громов подтвердил, что принимал ремонт, а затем пожал плечами:

— Савин мог плохо затянуть. У нас половина заявок так закрывается. Люди жалуются — они ставят галочку.

— Вы проверяли дверь сами? — спросил Андрей.

— Проверял.

— Она закрывалась?

— Тогда закрывалась.

— Значит, сразу после работы Савина неисправности не было.

Громов посмотрел на него и понял, что только что отнял у себя удобное объяснение.

— Могла разболтаться позже.

— Могла, — сказал Андрей. — Поэтому края и резьбу исследуют.

Нестеров забрал карты по протоколу. Громов подписал каждую страницу, потребовал копию и ушёл вместе с адвокатом. На пороге он обернулся.

— Левин, вы ведь страховой эксперт. Ваше дело — установить ущерб, а не устраивать охоту.

— Меня от ущерба отвели, — ответил Андрей. — Сейчас я помогаю не перепутать запись карты с человеком.

— Очень благородно.

— Нет. Просто если перепутать, настоящий человек у двери останется вне отчёта.

После его ухода Нестеров получил ответ от диспетчера главного офиса. Трубу действительно прорвало, но в 14:18, почти через час после того, как Громов покинул жилой комплекс. Звонок ему сделали в 14:24. Это означало, что уехал он раньше вызова. Ложь была заметной, но всё ещё не помещала его в коридор ночью.

К вечеру Круглов принёс предварительный результат осмотра тяги. Соединительный винт не выпал сам: резьба была цела, края паза имели следы последовательного выкручивания, а не рывка. На полу винт не нашли. Его сняли и унесли. Регулировочный винт последнего хода повернули почти на полный оборот после нанесения синей метки.

— Заранее ослабили, — сказал Нестеров.

— Да, — ответил Андрей. — Но когда именно, пока только между приёмкой ремонта и ночью пожара.

— И картой Громова проверили, что дверь останется открытой.

— Картой номер 7314. Возможно, оригиналом Громова. Возможно, копией.

Нестеров вздохнул.

— Когда-нибудь вы скажете фамилию без оговорки?

— Когда к фамилии будет путь, а не один номер.

Они составили общую временную полосу. В 01:48 Рогов создал адресный отказ. Примерно через десять минут служебной картой открыли дверь перехода и три минуты проверяли незакрытую створку. В 02:31 пришёл первый сигнал дыма. Около 02:34 дверь открылась изнутри уже без карты. В 02:37 отключилось питание первой башни. В 02:46 механически открыли ячейку №47. Последовательность была слишком удобной для случайного набора поломок, но каждый её кусок ещё требовал отдельного объяснения.

Андрей попросил не соединять события стрелкой «Громов» в рабочей схеме. Вместо неё они написали: «пользователь карты 7314». Рядом — «лицо, ослабившее доводчик». Это могли быть один человек, двое или человек и чужая заранее выполненная работа.

Перед уходом он снова проверил дверь. После временного ремонта она закрывалась тяжело и уверенно. Магнит отвечал коротким щелчком. Никакой памяти на самой красной створке не было: ни лица, ни имени, ни намерения. Память складывалась из четырёх сухих отметок — разрешение, открыто, не закрыто, закрыто.

Этого хватило, чтобы понять главное. Пожарная дверь не сломалась в минуту паники. Её лишили последнего движения заранее, а потом пришли проверить результат служебной картой.

Дом по-прежнему не показывал человека. Но уже отделял подготовку от случайности.

Глава 5. Председатель в тапочках

Тапочки лежали в сушильном шкафу комнаты охраны, каждая в отдельном бумажном пакете. Андрей ожидал увидеть мягкие домашние шлёпанцы, но обувь Елены Мальцевой была другой: войлочный верх, плотная резиновая подошва и закрытый нос. В таких можно выйти к почтовым ящикам или спуститься за курьером, если не хочется надевать зимние ботинки. Через декабрьский двор в них тоже иногда бегают — быстро и потом жалеют.

— Почему они здесь? — спросил Андрей.

— Криминалист снял их при первичном осмотре, — ответил Нестеров. — Потом сушили не включая нагрев. Одежда и остальные вещи уже в лаборатории. Эти вернули для дополнительной съёмки подошв.

Пакеты открывал Круглов. На серой резине виднелась чёрная пыль, в канавках застряли две белые крупинки. Воды, соли и песка почти не было.

Накануне вечером прошёл мокрый снег. Двор чистили в девять, но к полуночи дорожки снова покрылись рыхлой кашей. Андрей сам помнил, как утром обходил лужи между машиной и первой башней. Любой, кто пересёк двор после полуночи, принёс бы на подошвах воду и белый соляной налёт.

— Они могли высохнуть, — сказал он.

— Могли, — согласился Круглов. — Поэтому я взял смывы. Соли мало, но окончательный вывод даст лаборатория. Есть гипсовая пыль и обычная грязь из коридора.

— Где нашли Елену?

Нестеров вывел на телефоне схему. Тело лежало за противопожарной дверью со стороны технического коридора, в нескольких метрах от поворота к холлу ячеек. Рядом были её телефон, один ключ и пластиковая папка с распахнутым замком. Верхняя одежда отсутствовала.

— Куртку не нашли? — спросил Андрей.

— Ни куртку, ни уличную обувь. В квартире они на месте.

Елена жила в третьей башне на втором этаже. Чтобы попасть к первой башне, у неё было три пути. Можно было выйти на улицу и пройти через двор. Можно спуститься в паркинг, пересечь его и подняться по лестнице. Или пройти по тёплой галерее через вторую башню, используя внутренние двери.

— В тапочках она могла пройти только галереей, — сказал Нестеров.

— Могла и по паркингу. Там сухо.

— В паркинге камеры тоже отключены.

— Зато въезд тащит снег на колёсах. На полу должна быть другая грязь. И двери помнят карты.

Они начали с квартиры Елены. Осмотр уже закончили, пломбу сняли при дочери погибшей, Оксане Мальцевой. Оксане было тридцать семь. Она сидела на кухне матери, обхватив ладонями кружку, и смотрела не на гостей, а на настенные часы. Часы остановились в восемь минут третьего: батарейка села задолго до пожара, но теперь это время казалось ей важным.

— Мама ненавидела, когда люди ходят по дому в уличной обуви, — сказала Оксана. — Тапочки надевала сразу. Даже мусор могла вынести в них, если пакет уже стоял у двери.

На коврике находились зимние ботинки Елены. Подошвы были влажными только у носков: их протёрли после последней прогулки и поставили сушиться. Рядом висела длинная пуховая куртка. В кармане лежали перчатки и чек из магазина, пробитый в 20:16.

— Во сколько вы говорили с ней последний раз? — спросил Нестеров.

— В половине двенадцатого. Она написала, что закончила таблицу по протечкам. Я позвонила и сказала, чтобы ложилась спать. Она ответила: «Ещё один разговор — и лягу».

— С кем разговор?

— Не сказала. Я решила, кто-то из совета дома. У них последние недели война из-за актов.

— Она ждала гостя?

— Мама чужих ночью не приглашала. Могла выйти в холл, если сосед просил.

Андрей попросил не пересказывать догадки, а вспомнить точные слова. Оксана открыла переписку. Последнее сообщение Елены было отправлено в 23:34: «Не волнуйся. Мне обещали показать место, где текло. Пять минут и домой».

— Вы это уже передавали? — спросил Нестеров.

— Да, вчера. Вместе со всем телефоном.

— Почему не сказали про сообщение сразу сейчас?

Оксана посмотрела на него устало.

— Потому что вы спросили про разговор, а не про место. Я второй день отвечаю разным людям. Для вас каждая фраза первая. Для меня мама каждый раз снова выходит из квартиры. Нестеров извинился.

В прихожей Андрей заметил, что на крючке нет лёгкой домашней кофты. Оксана узнала её на фотографии с места: тёмно-зелёная, с большими карманами. Елена ушла в ней, не собираясь выходить на мороз. С собой взяла телефон, ключ от квартиры и пластиковую папку. В папке, по словам дочери, хранились распечатки заявок жильцов. Если ей обещали показать протечку, бумаги понадобились бы для сверки номера помещения или даты ремонта.

— Как она проходила внутренними дверями? — спросил Андрей. — У неё была карта на все башни?

Оксана показала красный брелок на связке. Как председатель совета дома Елена имела доступ к общим помещениям, но не к техническим. Карту уже считали при осмотре; номер заканчивался на 2049.

Лазарева прислала журнал по защищённой ссылке. Карта 2049 открыла дверь третьей башни в тёплую галерею в 23:41. Через сорок семь секунд её прочитал следующий контроллер у второй башни. В 23:43 Елена вошла в коридор первой башни. После этого карта ночью не использовалась.

— Вот и маршрут, — сказал Нестеров.

— Маршрут карты, — привычно поправил Андрей. — Но здесь у нас есть квартира, одежда, сообщение и короткий промежуток. Вместе они хорошо подтверждают, что шла Елена.

— Иногда вы всё-таки позволяете фактам встретиться.

Они прошли её путь. От квартиры до первой двери — меньше минуты. Галерея была застеклена, батареи грели слишком сильно. На подоконниках жильцы поставили горшки с выносливыми цветами. За стеклом лежал мокрый снег, по которому Елена не сделала ни шага.

У второй башни карта отметилась через сорок семь секунд. Обычным шагом Андрей потратил сорок четыре. До первой башни он дошёл ещё за минуту десять. Время совпадало без бега и остановок.

У последней двери путь раздваивался. Налево был жилой холл, направо — переход к техническому коридору. На стене висела панель внутренней связи. С неё можно было позвонить в квартиру, на пост охраны или сотруднику управляющей компании, если тот зарегистрирован в системе.

— Здесь ей могли сказать, куда идти, — заметил Нестеров.

— Могли. Но содержание разговора нам пока неизвестно.

— Журнал вызовов запросили.

— Тогда дождёмся исходной выгрузки.

Панель показывала только часы и значок трубки. Ни списка последних звонков, ни записи голоса на экране не было. Андрей сфотографировал модель и серийный номер. Если позднее появится журнал, надо будет проверить часы этой системы отдельно, как проверяли двери.

В техническом коридоре на полу ещё сохранялись следы копоты. Круглов разложил фотографии первичного осмотра. На одном снимке возле левой тапочки Елены был виден узкий влажный отпечаток, будто подошва наступила в воду только краем. На другом — две параллельные полосы от колёс тележки.

— Тапочки сухие, а след мокрый? — спросил Андрей.

— Вода пришла позже, — ответил Круглов. — Пожарные проливали стену. Верх обуви намок снаружи, но в глубоких канавках подошвы не было дворовой смеси.

Белые крупинки оказались строительным гипсом. Такой же лежал вдоль шва у стены галереи, где недавно меняли плитку. Это ещё сильнее связывало обувь с внутренним путём, хотя само по себе ничего не говорило о причине встречи.

Они опросили жильцов третьей башни. Соседка напротив видела Елену около без четверти двенадцать. Та закрывала дверь и держала под мышкой прозрачную папку.

— Я спросила, куда она ночью, — рассказала соседка. — Она сказала: «На пять минут, наконец покажут». Я ещё пошутила, что хорошие новости днём приносят.

— Кто покажет? — спросил Нестеров.

— Не сказала. Но была не испуганная. Скорее сердитая и довольная, будто кого-то прижала.

Житель второй башни вспомнил, что столкнулся с Еленой в галерее. Он возвращался с парковки, нёс пакеты и придержал ей дверь.

— Она была в тапочках?

— Да. Я ещё подумал, что опять авария. Она часто бегала по дому, если текло.

— Говорила с кем-нибудь?

— Телефон держала перед собой. Экран светился, но к уху не подносила.

Телефон Елены нашли заблокированным. Следователь уже получил разрешение на исследование, но полная копия ещё готовилась. На экране уведомлений после пожара остались сообщения жильцов и пропущенные звонки дочери. Ночного входящего вызова видно не было.

— Могли позвонить через внутреннюю панель, — сказал Нестеров.

— Или написать в приложении, а сообщение потом удалить. Или договориться раньше. Пока у нас только её фраза о месте протечки.

Следующий свидетель добавил деталь, которую никто не искал. Сторож паркинга в 23:50 обошёл въезд после срабатывания датчика ворот. На свежей полосе талой воды он видел только свои следы и следы шин. Женщина в тапочках через паркинг не проходила бы незаметно: ей пришлось бы пересечь мокрый участок шириной несколько метров.

Его слова совпадали с журналом дверей. Карта Елены не появлялась на входах паркинга. Теоретически она могла пройти вслед за машиной или человеком, но это требовало лишнего крюка и не объясняло отметки в галерее.

К полудню путь стал простым. Елена вышла из квартиры в домашней одежде, потому что рассчитывала вернуться через несколько минут. Она прошла внутри здания из третьей башни в первую. Ей обещали показать место протечки. Уличные ботинки и куртку она оставила дома. Во двор и паркинг не выходила.

Сложнее был другой вопрос: почему между последней отметкой её карты в 23:43 и открытием двери картой 7314 в 01:58 прошло больше двух часов.

— Она могла всё это время быть в техническом коридоре? — спросил Нестеров.

— Могла ждать, спорить, смотреть документы. Но два часа — долго. Нужны промежуточные следы.

В папке Елены нашли распечатки по трём протечкам. У двух листов были загнуты углы. На третьем, относящемся к первой башне, ручкой обведён подвал и написано: «показать фактическое место». Внизу стояло время: 00:15. Почерк Елены подтвердила дочь.

— Значит, она была жива в пятнадцать минут первого, — сказал Нестеров.

— Значит, запись сделана её рукой, если экспертиза подтвердит. Время она могла вписать позже или заранее.

На обороте листа имелись четыре короткие строки: «вода выше шкафа», «акты в синей папке», «нет подписи подрядчика», «копия у П.». Последняя буква могла означать Полину, но Андрей не стал звонить дочери напрямую. Он сообщил Нестерову, что Полина, вероятно, получала материалы от Елены, и попросил оформить запрос через совет дома или следствие.

— Вы даже дочери не позвоните? — спросил Круглов.

— Именно дочери и не позвоню. Иначе каждый её документ назовут подсказкой от отца.

Внутренний путь дал ещё одно важное ограничение. В 23:43 Елена вошла в первую башню своей картой. Обратного выхода по карте не было. Наружные двери открывались изнутри без чтения, но тогда её обувь намокла бы во дворе. Через паркинг она не прошла. Значит, с высокой вероятностью она оставалась внутри первой башни или связанных с ней технических помещений до самой гибели.

Жукова принесла журнал ночных заявок. В 00:22 кто-то сообщил о воде у подвального шкафа, но заявка была заведена не жильцом, а вручную с учётной записи диспетчера. В графе телефона стояли нули. Через семь минут её закрыли с пометкой «ложное срабатывание».

— Кто работал под этой записью? — спросил Нестеров.

— Ночная диспетчер Самойлова, — ответила Жукова. — Но она говорит, что заявку не создавала.

— Пароль общий?

Жукова опустила глаза.

— Для ночной смены — да. Логин один, пароль приклеен под клавиатурой. Так быстрее передавать пост.

Андрей записал это без удивления. Удобство часто выглядело невиновным до той минуты, когда требовалось установить конкретного человека.

Компьютер диспетчерской изъяли ещё утром. Время создания заявки можно было сравнить с входами в комнату, действиями на других системах и телефонными разговорами. Но одна общая учётная запись фамилии не давала.

— Елену могли вызвать на ложную протечку, — сказал Нестеров.

— Ей обещали показать место, где текло. Это близко, но не одно и то же. Возможно, протечка была настоящей, а ложной сделали заявку. Возможно, наоборот.

— В вашей жизни бывает предложение без слова «возможно»?

— Бывает. Елена не пришла через двор.

Это было первое твёрдое предложение за день.

После обеда пришёл предварительный ответ лаборатории. На подошвах тапочек не нашли дорожной соли в количестве, обычном после прохода по двору; состав пыли совпадал с образцами из тёплой галереи и внутреннего коридора. Следы не позволяли восстановить каждый шаг, но исключали привычную версию, будто Елена выбежала из дома на запах дыма уже после начала пожара.

Она пришла раньше. Намного раньше.

Андрей вернулся в первую башню и встал у панели связи. Отсюда Елене могли пообещать показать протечку, провести вниз или попросить подождать. Отсюда до противопожарной двери было меньше минуты. За дверью начинался путь к подвалу и шкафу с актами.

В 01:58 кто-то воспользовался служебной картой и проверил ослабленную дверь. К этому времени Елена уже больше двух часов находилась внутри. Если встреча началась как показ дефекта, она успела превратиться во что-то другое: спор о бумагах, попытку сохранить акты или ожидание человека, который не хотел попадать в официальный журнал.

Нестеров получил сообщение и показал экран Андрею. Компания, обслуживавшая внутреннюю связь, подтвердила: панель хранит журнал набранных адресатов, но не записывает разговоры. Копию памяти снимут утром при понятых.

— Завтра узнаем, кому звонили, — сказал следователь.

— Узнаем, какой адресат указан в журнале. Не голос и не человека у трубки.

— Я уже сам могу за вас отвечать.

— Тогда проверка работает.

Они вышли в галерею. За стеклом двор снова засыпало снегом. За несколько минут белая крошка скрыла грязные дорожки, следы машин и сапог. Камеры над входами по-прежнему смотрели чёрными куполами.

Внутри было тепло и сухо. Карта Елены оставила три отметки, гипс — белые крупинки в подошвах, сосед — воспоминание о прозрачной папке. Маленькие следы не называли того, кто её позвал. Они делали другое: возвращали ей собственный поступок.

Елена не случайно оказалась возле пожара и не выбежала туда из любопытства. Она вышла из квартиры в тапочках, потому что ей обещали пять минут правды в доме, где слишком многое прятали за закрытыми дверями.

И этот выбор нельзя было стереть поздней версией о случайной свидетельнице.

Глава 6. Чужие фотографии

Утром Андрей получил не фотографии, а три разных ответа на один запрос.

Администратор страховой прислал выгрузку карточки дела. Юридический отдел добавил предупреждение, что файлы предназначены только для внутренней проверки и могут быть переданы следователю по официальному письму. Вадим Рогов написал отдельно: «Повторно поясняю: изображения использованы как иллюстрации к учебному шаблону и не являлись материалами осмотра».

В первой версии отказа они назывались именно материалами осмотра от четырнадцатого декабря.

Андрей не стал отвечать Рогову. Он сверил контрольную сумму выгрузки с той, которую записал в ночь пожара. Совпали все знаки. Значит, перед ним была та же версия карточки, а не аккуратно пересобранная копия. Внутри архива лежали четыре уменьшенных изображения, журнал прикрепления файлов и три исходника. Четвёртого исходника не было.

Он открыл снимки рядом. На первом аккумулятор лежал у чёрной стойки. На втором были оплавленные створки ячеек. На третьем крупно виднелась содранная наклейка. Четвёртый показывал серый пол и длинную царапину. Если смотреть быстро, получалась убедительная последовательность: общий вид, последствия, маркировка, след на месте. Именно так фотографии обычно и подбирали к заключению, чтобы читатель перестал задавать вопросы.

Если смотреть медленно, последовательность рассыпалась.

На общем снимке справа от стойки шёл высокий серый плитус. На фотографии оплавленных ячеек плитус был чёрным и заканчивался металлическим уголком. На крупном плане аккумулятора под ним лежала плитка с узкой светлой полосой, а на четвёртом снимке пол был наливным, без швов. Даже одно помещение могло иметь разные участки пола, но стойку с тяжёлым блоком обычно не переносили между каждым кадром.

Андрей записал различия на бумаге. Не «подделка», не «монтаж», не «фальсификация». Пока только предметы, цвет, размеры и взаимное положение.

В десять часов он встретился с Нестеровым в кабинете следователя. Круглов уже вывел фотографии на большой экран. Возле стены стояла Полина, но не одна: с ней пришли юрист совета дома и женщина из компании, обслуживавшей посылочные стойки. Андрей кивнул дочери и поздоровался со всеми одинаково.

— Совет дома передаёт свои снимки по акту, — сказала Полина. — Здесь фотографии Елены за октябрь и ноябрь. Исходные файлы на накопителе, копию уже сняли.

Она положила запечатанный пакет перед Нестеровым, не перед отцом.

— А у нас подарок от страховой, — сказал следователь. — Три исходника из четырёх.

— Это не подарок. Это ответ на запрос внутреннего контроля.

— Вы всегда портите красивые слова.

Круглов увеличил первую фотографию. Изображение стало рыхлым, но над стойкой проявилась наклейка с номером технической поддержки. Последние цифры телефона можно было разобрать. Женщина из обслуживающей компании представилась Мариной Сафроновой, достала список объектов и сразу покачала головой.

— Не наша наклейка. У нас номер заканчивается на сорок два сорок два. Здесь, похоже, восемнадцать ноль шесть.

— Другой производитель? — спросил Нестеров.

— Производитель тот же. Обслуживающая организация другая. Такие стойки стоят в сотнях домов.

Андрей попросил открыть фотографию из первого утреннего осмотра «Четырёх дворов». Синяя стойка занимала нишу между колонной и почтовыми ящиками. В ней было два ряда

крупных дворец и один ряд маленьких. На снимке из отказа стояли три одинаковых ряда. Возле пола проходила открытая труба отопления, которой в первой башне не было. Над стойкой висела зелёная табличка выхода с бегущим человеком, повёрнутым вправо. В «Четырёх дворах» выход был слева.

— Знак можно перевесить, — сказал Нестеров.

— Можно. Трубу тоже можно проложить, стойку заменить и перекрасить. Но тогда должны остаться работы, акты и следы креплений.

Сафронова увеличила нижний угол снимка.

— Здесь старая модель. Видите петлю? У неё ось снаружи. В «Четырёх дворах» поставили новую серию со скрытой осью. Поставка была в феврале, дом приняли летом. Эта стойка физически не могла стоять у них.

— Вы готовы это подписать?

— После сверки заводских номеров и договора — да.

Нестеров записал её слова, затем попросил Круглова открыть сведения об исходном файле. Камера указала дату августовского утра, модель телефона и координаты. Точка находилась в другом конце города, возле жилого комплекса «Речной берег».

— Вот и всё, — сказал следователь.

— Нет, — ответил Андрей.

Полина мельком улыбнулась, будто услышала знакомую домашнюю фразу.

— Координаты в фотографии можно изменить, — продолжил он. — Дату тоже. Иногда телефон записывает старое время после разрядки, иногда файл проходит через программу. Если мы скажем только «внутри файла написан другой адрес», защита покажет любую статью о редактировании и назовёт весь вывод ненадёжным.

— Поэтому у нас есть стойка, труба, знак и петли, — сказал Круглов.

— И нужен дом, где они стоят вместе.

Сафронова уже набирала номер диспетчерской своей компании. Через несколько минут она получила согласие управляющего «Речного берега» на осмотр. Там действительно была чёрная стойка старой серии, а в августе проводили учебную проверку: сотрудникам страховой показывали, как выглядит повреждение посылочных ячеек и какие снимки нужны для заявления.

— Кто приезжал от страховой? — спросил Нестеров.

Сафронова закрыла микрофон ладонью и переспросила собеседника.

— В журнале трое. Фамилии пришлют официально. Один — Рогов.

В кабинете стало тихо. Андрей смотрел не на фамилию, а на четвертую фотографию. У неё не было источника, даты и координат. Именно на ней виднелась царапина, похожая на след возле аккумулятора в «Четырёх дворах».

— Три снимка могут быть с учёбы, — сказал он. — Четвёртый пока неизвестно откуда.

— Упрямый вы человек, — заметил Нестеров.

— Если приписать чужому дому один лишний снимок, мы повторим то, что сделал автор отказа.

Они поехали в «Речной берег» после полудня. Двор был старше, уже обжитой: застеклённые балконы отличались шторами, у подъезда стояли санки, к перилам пристегнули два велосипеда. Камеры работали. Управляющий провёл их к посылочной зоне и показал чёрную стойку.

Она стояла точно так, как на первом снимке. Справа тянулся серый плинтус, над ним шла открытая труба, знак выхода указывал направо. Наклейка технической поддержки заканчивалась цифрами восемнадцать ноль шесть. Даже на стене сохранилось маленькое пятно от снятого объявления.

Круглов сделал общий кадр, затем повторил примерные точки съёмки. Совпали расстояние между плиточными швами, высота трубы и скол на левом углу стойки. Но аккумулятора в помещении не было.

— На учениях принесли списанный блок, — объяснил управляющий Сергей Пахомов. — Не настоящий повреждённый, просто корпус. Положили рядом, показали, какие планы снимать. Потом одну дверцу нагрели строительным феном. Без огня, конечно. У нас акт есть.

Он принёс папку. Учебный осмотр состоялся двадцать второго августа, а не четырнадцатого декабря. В списке участников стояли Сафронова, техник дома, двое сотрудников страховой и руководитель отдела Вадим Рогов. Возле фамилии Рогова была подпись.

— Кто снимал? — спросил Нестеров.

— Все понемногу. Рогов показывал порядок: сначала помещение, потом предмет, потом повреждение. Сказал, что плохой снимок иногда стоит компании миллионов.

— Фотографии после учений куда отправляли?

Пахомов открыл почту на служебном компьютере. Письмо ушло пятерым участникам. В приложении было девять файлов. Круглов скопировал их после оформления и сравнил с тремя исходниками страховой. Совпали не только изображения, но и контрольные суммы — длинные последовательности знаков, которые меняются, если в файле переделать хотя бы мелочь.

— Три файла не просто похожи, — пояснил он Пахомову. — Это те же самые файлы.

Среди девяти снимков нашёлся и четвёртый кадр: серый пол с длинной царапиной. Но контрольная сумма не совпала. Учебный файл был шире. В его правой части стоял ботинок человека, а слева попадал край красного ящика с инструментами. В карточке отказа края обрезали. После обрезки исчезли предметы, по которым место легко узнавалось, и вместе с ними пропали исходные сведения камеры.

Круглов сделал рабочую копию учебного файла, обрезал её по границам снимка из отказа и наложил изображения одно на другое. Царапина, соринка у верхнего края и тёмная точка в плиточном шве совпали.

— Значит, четвёртый тоже отсюда, — сказал Нестеров.

— Из этого изображения, — уточнил Андрей. — Обрезан после съёмки. Поэтому исходника среди вложений нет.

Следователь посмотрел на него с выражением терпеливого человека.

— Теперь можно сказать, что фотографии чужие?

— Теперь можно.

Пахомов не понимал, почему четыре снимка с безопасных учений оказались в отказе по настоящему пожару. Андрей показал ему только ту часть документа, которую разрешил Нестеров: строку о материалах осмотра четырнадцатого декабря и подпись Рогова.

— Но четырнадцатого у нас ничего не было, — сказал управляющий. — И блок давно утилизировали. Он пустой был, один корпус.

— У вас сохранился акт утилизации?

— Должен. Мы после учений вернули его учебному центру.

Акт нашли в той же папке. Корпус имел заводскую наклейку, но внутри отсутствовали элементы питания. Его передали обратно двадцать третьего августа. Это означало, что предмет на учебных фотографиях не мог стать причиной декабрьского пожара ни в каком доме. В отказе изображение пустого корпуса выдали за доказательство опасного хранения настоящего аккумулятора.

Нестеров позвонил в страховую и попросил обеспечить участие Рогова в опросе. Ответ ему не понравился: руководитель отдела находился на совещании и обещал освободиться к вечеру.

— Совещания — полезная вещь, — сказал следователь, убирая телефон. — Особенно когда они начинаются после повестки.

На обратном пути Андрей получил сообщение от внутреннего контроля. Они нашли папку августовского обучения в общем архиве отдела. Доступ к ней имели одиннадцать сотрудников. Рогов создал папку, но это ещё не доказывало, что именно он выбрал снимки для декабрьского отказа. Журнал карточки показывал его учётную запись; пароль, по словам администратора, нельзя было передавать. Андрей слишком долго работал со страховыми случаями, чтобы принять последнюю фразу за описание реальной жизни.

В офисе их ждала начальник внутреннего контроля Лидия Аркадьевна Сомова. Она пришла без Рогова и принесла служебный ноутбук в опечатанной сумке.

— Мне поручено установить происхождение документа и не допустить утечки сведений о клиентах, — сказала она. — Андрей, вы по-прежнему не участвуете в решении по выплате. Сегодня вы присутствуете как автор первой служебной записки.

— Понимаю.

— Тогда начнём с неприятного. Версия про учебный шаблон формально возможна. В системе есть функция копирования старого заключения. Рогов мог открыть учебный пример, чтобы подготовить форму.

Нестеров положил перед ней распечатку.

— С адресом этого дома, фамилией жильца, номером квартиры и номером ячейки?

— Эти поля могли подтянуться из карточки автоматически.

— Карточка пожара ещё не существовала.

Сомова посмотрела на Андрея.

— Откуда вывод?

Он показал журнал. В 01:48 был создан документ с адресом «Четырёх дворов». В 02:31 поступил первый сигнал дыма. В 02:51 управляющая компания позвонила страховщику. Официальную карточку зарегистрировали в 03:02. Автоматическое заполнение не могло взять сведения из записи, которая появилась через час четырнадцать минут.

— Если только была предварительная карточка, — сказала Сомова.

— Тогда она должна иметь номер, автора и журнал удаления, — ответил Андрей.

— Мы ищем.

Круглов подключил опечатанный ноутбук к своему оборудованию, не включая обычную систему. Он снимал копию накопителя, чтобы дальнейший поиск не изменял файлы. Пока полоска на экране медленно двигалась, Сомова прочитала акт из «Речного берега» и сравнила подпись Рогова с кадровым образцом.

— Это его подпись, — сказала она. — Но я хочу, чтобы вы ясно разделяли два вопроса. Он знал эти фотографии. Это не равно тому, что он лично прикрепил их ночью.

— Согласен, — сказал Андрей.

— А я пока не согласен ни с чем, — заметил Нестеров. — Я собираю то, с чем соглашаться будет суд.

К вечеру Круглов нашёл на ноутбуке локальную копию документа. Она лежала не в папке дела, а среди временных файлов редактора. Имя было коротким: «ЧДотк1». Файл создали в 01:48. В нём уже стояли адрес, квартира Кирилла Седова, ячейка №47 и формулировка о нарушении хранения аккумулятора. Через несколько минут к документу добавили четыре изображения из августовской папки.

— Можно установить, кто сидел за компьютером? — спросила Сомова.

— Компьютер скажет, под какой записью работали, — ответил Круглов. — Не чьи руки нажимали клавиши.

Учётная запись принадлежала Рогову. Вход был подтверждён его рабочим телефоном: система отправила уведомление, и приложение на телефоне разрешило вход. Но даже это оставляло возможности — телефон могли взять, подтверждение могло быть случайным, удалённый доступ мог сохраниться с прошлого сеанса.

Андрей видел, как Нестеров раздражается от каждого «могло». Следовательно нужны были вопросы к человеку, а не бесконечный список лазеек. Андрей повернул журнал к себе и заметил ещё одну строку. В 01:43 пользователь открыл реестр договоров дома. Поиск был выполнен не по адресу, а по фамилии Седова. В 01:45 открыли договор квартиры 186. В 01:47 скопировали номер посылочной ячейки из прикрепленного списка жильцов.

— Автоматическое заполнение так не ходит, — сказал он. — Здесь человек искал жилья по фамилии, потом квартиру, потом ячейку. Последовательность ручная.

Сомова прочитала строки дважды.

— Почему именно Седов?

— Его аккумулятор забрали из мастерской днём ранее по копии паспорта, которая хранилась у управляющей компании, — ответил Нестеров. — Кто-то заранее выбрал владельца и предмет.

— Я спрашиваю, откуда Рогов мог знать фамилию до пожара.

— Это мы и хотим спросить у Рогова.

В семь вечера тот всё-таки вошёл в кабинет. Пальто он не снял, будто рассчитывал задержаться на несколько минут. Увидев снимки «Речного берега», он не удивился.

— Я уже объяснял, — сказал он. — Учебная заготовка. У нас была ночная проверка скорости реакции. Я выбрал случайный действующий договор и отрабатывал отказ.

— Почему договор Седова? — спросил Нестеров.

— Случайный.

— Поиск шёл по фамилии.

Рогов впервые посмотрел на журнал.

— Значит, фамилию дали в задании.

— Кто дал?

— Дежурный сотрудник управляющей компании. У нас иногда бывают совместные тренировки.

— Назовите сотрудника.

— Не помню. Ночь была суматошная.

— В 01:48 пожара ещё не было.

— Поэтому я и говорю про тренировку.

Андрей молчал. В словах начальника имела гладкая внутренняя форма, но не было ни письма о тренировке, ни задания, ни списка участников, ни результата, отправленного проверяющему. Настоящая учебная работа оставляет следы именно потому, что её проводят для отчёта. Здесь отчётом пытались назвать одиночный документ, который понадобился после реальной гибели.

Нестеров спросил о четвёртом снимке.

— Обрезал, чтобы убрать ботинок, — ответил Рогов. — Для учебного примера он мешал.

— Почему после пожара эти снимки прикрепили к реальному делу?

— Ошибка синхронизации. Новый документ унаследовал вложения шаблона.

— А строка «материалы осмотра от четырнадцатого декабря»?

— Поле даты заполнилось автоматически.

— До наступления четырнадцатого декабря в системе сервера?

Рогов замолчал. Документ создали в 01:48 четырнадцатого числа, так что календарно дата уже наступила. Но никакого осмотра тогда ещё не было. Он поправил воротник пальто.

— Я не обязан объяснять особенности программы без нашего юриста.

— Не обязаны, — сказал Нестеров. — Дальше продолжим с юристом.

Рогов повернулся к Андрею.

— Ты понимаешь, что делаешь? Из-за технической ошибки сейчас остановят выплаты по всему отделу. Люди месяцами будут ждать, пока вы играете в следствие.

- Выплату по этому дому остановил готовый отказ.
- Предварительный. Его бы исправили.
- После чего?

Рогов не ответил. Сомова попросила его передать служебный телефон и пропуск. Он потребовал приказ, получил электронную копию и положил оба предмета на стол слишком аккуратно.

Когда он ушёл, Андрей посмотрел на четыре фотографии. Они уже не доказывали батарею, нарушение хранения или причину пожара. Они доказывали только собственное путешествие: августовские учения, общая папка, ночной поиск по фамилии, обрезка кадра, заранее написанный отказ.

Этого было мало для ответа, кто убил Елену. Этого было достаточно, чтобы перестать считать ранний документ случайной ошибкой.

Полина ждала у выхода. Юрист совета дома стоял в нескольких шагах, давая им возможность сказать друг другу несколько слов без передачи файлов и советов.

— Елена боялась, что им не поверят без фотографий, — сказала Полина. — Всё снимала сама.

- Поэтому нам особенно нельзя верить фотографии только потому, что она есть.
- Я знаю. Это ты меня научил.

Раньше такая фраза согрела бы его. Сейчас в ней слышалось другое: дочь знала его правила и всё равно не была уверена, что он применит их против собственной компании.

- Снимки Елены получили по акту, — сказал Андрей. — Их изучат без меня.
- Правильно.

Она ушла с юристом. Андрей остался у стеклянной двери страхового офиса. В отражении за его спиной светился логотип компании, впереди лежал мокрый вечерний город. За день он доказал, что четыре убедительных изображения не имели отношения к месту пожара. Но важнее было не разоблачение чужого фона, трубы или стойки.

Кто-то знал имя Кирилла, номер его квартиры и номер ячейки ещё до сигнала тревоги. Кто-то заранее выбрал для настоящего отказа чужие фотографии пустого учебного корпуса. Значит, дело не закрыли слишком быстро.

Его начали закрывать до того, как оно появилось.

Глава 7. Начальнику нужен номер

Номер дела выглядел самым невиновным предметом во всей истории.

Двенадцать цифр, две косые черты, год в конце. Он стоял в теме писем, на актах, в карточке клиента и на наклейках бумажной папки. Обычно номер появлялся после звонка о происшествии: сотрудник принимал адрес, находил договор, нажимал кнопку и получал свободную строку. Никто не изучал эту строку, как не изучают номерок в гардеробе.

Утром Лидия Сомова позвонила Андрею и попросила приехать в архивный отдел. За ночь внутренний контроль не нашёл удалённой предварительной карточки, которой можно было бы объяснить адрес в файле Рогова. Зато бухгалтерия обнаружила странность: расходы на выезд эксперта были привязаны к номеру за день до пожара.

— Выезд был ваш? — спросила Сомова.

— Я получил назначение после трёх часов ночи.

— Знаю. Но строка появилась тринадцатого декабря в шестнадцать десять. Без суммы и без фамилии. Просто резерв.

Архивный отдел занимал комнату без окон. Вдоль стен стояли шкафы с бумажными делами, хотя почти вся работа давно шла в электронной системе. За столом сидела Светлана Миронова, администратор справочников. Она объяснила, что номера выдаются по порядку, но иногда их резервируют заранее для крупных происшествий.

— Например, предупреждают о паводке или аварии на складе, — сказала она. — Тогда может прийти сотня заявлений. Мы создаём пачку пустых номеров, чтобы не путаться между отделами.

— Для одного жилого дома резерв нужен? — спросил Андрей.

— Обычно нет.

Она показала журнал. В 16:10 тринадцатого декабря пользователь «VSROGOV» запросил один номер в разделе имущественного страхования. Система выдала строку, но обязательные поля остались пустыми. В 16:12 Рогов пометил номер словом «дом». В 03:02 следующей ночи к нему добавились адрес «Четырёх дворов», договор управляющей компании и предварительная причина пожара.

— Вчера он говорил, что карточка появилась после звонка, — сказал Андрей.

— Так и есть, если считать карточкой заполненные поля, — ответила Сомова. — Но оболочка существовала раньше.

— Кто ещё видел резерв?

Миронова открыла список обращений. В пустую строку заходили четыре раза. Рогов создал её. Через девять минут её открыл пользователь ночной группы выплат. В 18:36 заходил системный робот, проверявший незаполненные записи. В 00:41 строку снова открыл Рогов.

— Ночная группа в это время работала? — спросил Андрей.

— Дежурит круглосуточно. Учётная запись общая для просмотра очереди, — сказала Миронова и сразу поморщилась, понимая, как это прозвучало. — Не для изменений. Менять может только личная запись.

— Кто был за компьютером через девять минут?

— По табелю — Лапшин и Крылова. Но вход не требует второго подтверждения, потому что это только просмотр.

Сомова записала фамилии. Андрей попросил показать соседние номера. Предыдущий относился к заливу магазина, следующий — к разбитой витрине. Оба были заполнены в день обращения. Только строка Рогова простояла пустой почти одиннадцать часов.

— Можно зарезервировать номер без причины? — спросил он.

— Технически да. Руководителям отделов разрешено.

— Для чего он нужен до события?

Миронова пожала плечами.

— Иногда начальнику нужен номер для письма. Клиент ещё не прислал полный пакет, а переписку уже надо начать.

Фраза была обыкновенной. Именно поэтому Андрей её запомнил. Начальнику нужен номер. Не случай, не пострадавшие, не осмотр — строка, к которой потом можно прикрепить всё остальное.

Сомова вызвала Рогова на объяснение. Тот ответил через юриста, что резервировал номер для ночной тренировки отдела. Андрей попросил копию плана тренировки. Плана не оказалось. Кадровая служба не получила уведомления, ночная группа не знала о проверке, учебный результат никому не отправляли.

— Его версия становится удобнее с каждым найденным журналом, — сказала Сомова.

— Удобнее для вчерашнего вопроса, — ответил Андрей. — Для сегодняшнего уже нет.

Они поднялись в отдел выплат. Рабочее место Рогова опечатали, но остальные сотрудники продолжали трудиться. Телефоны звонили, принтер выпускал листы, на экранах мигали сроки. Никто не говорил громко. Отсутствующий начальник занимал в комнате больше места, чем раньше.

Лапшин оказался молодым сотрудником с красными глазами. Он подтвердил, что тринадцатого декабря работал до восьми вечера и видел пустой резерв.

— Я открыл очередь, потому что номер появился без адреса, — сказал он. — Подумал, программа зависла. Спросил Вадима Сергеевича. Он сказал не трогать, утром будет большой случай.

— Так и сказал: «будет»? — уточнила Сомова.

— Кажется. Или «может быть». Прошло несколько дней.

— Пожар был позавчера ночью.

Лапшин покраснел ещё сильнее.

— Здесь дни сливаются.

Андрей попросил его не угадывать. Свидетель вспомнил место: Рогов стоял у кофейного автомата, размешивал сахар деревянной палочкой и смотрел в телефон. Лапшин спросил про пустой номер, потому что боялся получить замечание за очередь. Рогов ответил: «Мой резерв, не закрывай. Ночью может прийти дом».

— Именно дом? — спросил Нестеров, подключившийся к опросу по видеосвязи.

— Да. Я ещё подумал, что целый дом сгорит. Глупая мысль.

— Почему вы вчера об этом не сообщили?

— Меня никто не спрашивал про номера. Все спрашивали про фотографии и входы в систему.

Крылова помнила разговор хуже, зато сохранила служебную переписку. В 16:24 она написала Лапшину: «Что за пустышка у шефа?» Он ответил: «Не трогать, ночной дом». Сообщения находились на корпоративном сервере и имели точное время.

Нестеров приехал через сорок минут. Он распечатал переписку, оформил передачу и отдельно попросил обоих сотрудников не обсуждать показания между собой. Потом обратился к Сомовой:

— У вас часто заранее знают, что ночью придёт дом?

— Иногда клиент предупреждает о возможном заявлении, — сказала она. — Например, уже случилась авария, но акт будет позже.

— В этом доме тогда ещё ничего не случилось.

Андрей вспомнил аккумулятор Кирилла. Его забрали из мастерской тринадцатого декабря в 16:42 — через тридцать две минуты после резерва. Если время квитанции точное,

номер появился раньше получения предмета. План уже существовал, когда за аккумулятором только собирались ехать.

Он попросил Нестерова сверить часы мастерской. Квитанцию печатала кассовая программа, синхронизированная с оператором чеков; отклонение в несколько минут было возможно, но не в полчаса. В 16:17 сотрудник мастерской получил звонок с вопросом, можно ли забрать заказ представителю владельца. Звонили с городского номера управляющей компании.

— Семь минут после резерва, — сказал Нестеров.

— Последовательность пока такая: номер, звонок в мастерскую, выдача аккумулятора. Это не говорит, кто звонил и кто забрал.

— Но говорит, что они не увидели аккумулятор и потом придумали случай. Сначала появился случай.

В журнале пропусков страховой Рогов вышел из офиса в 17:03. Вернулся в 18:11. Мастерская находилась в двадцати минутах езды, но аккумулятор выдали в 16:42, когда его карта ещё отмечалась в здании. Забрать блок лично он не мог, если не передал пропуск другому и не покинул офис через служебный выход. Камеры в страховой работали; на записи Рогов действительно оставался на этаже до пяти.

Это не оправдывало его. Это разделяло участников.

— Кто-то в управляющей компании забирает аккумулятор, — сказал Андрей. — Рогов в это время создаёт номер и готовит основу. Они действуют согласованно, но каждый делает своё.

— Или Рогов случайно тренируется с той же фамилией, пока неизвестный случайно забирает батарею этого человека, — сказал Нестеров.

— Такую версию тоже придётся опровергнуть фактами, а не интонацией.

В обед пришли результаты по рабочему телефону Рогова. В 15:58 он получил сообщение в обычном мессенджере, но текст был удалён. Сохранилось уведомление на служебном компьютере: «Седов. 186. Батарея в ремонте». Отправитель был записан одной буквой «Д».

Самого чата на телефоне не осталось. Номер отправителя удалось установить из служебной копии уведомлений. Он принадлежал Денису Громову.

Нестеров положил распечатку рядом с журналом резерва. В 15:58 Громов сообщил фамилию, квартиру и место аккумулятора. В 16:10 Рогов получил номер. В 16:17 из управляющей компании позвонили в мастерскую. В 16:42 блок забрали по фотографии паспорта. В 01:43 Рогов снова нашёл договор Седова. В 01:48 создал отказ. Первый дым зарегистрировали в 02:31.

— Вот ваша тренировка, — сказал следователь.

Сомова долго смотрела на листы.

— Нам нужно проверить, были ли другие случаи с резервами, — сказала она.

— Нам — это кому? — спросил Андрей.

— Внутреннему контролю. И следствию, если запросит.

— Запросит, — сказал Нестеров.

Поиск занял два часа. За последний год Рогов резервировал двадцать семь номеров. У двадцати четырёх имелись понятные причины: сообщения о крупных авариях, письма клиентов, массовый град в области. Три номера появились без входящего обращения. Один так и закрыли пустым. Два превратились в отказы по пожарам в жилых домах.

Андрей открыл первое дело. Там причиной назвали зарядное устройство, оставленное в общей кладовой. Фотографии были настоящими, пожарная лаборатория подтвердила очаг, жильцы не спорили. Во втором деле управляющая компания получила отказ из-за самовольно установленного обогревателя. Решение обжаловали, но потом заключили соглашение.

— Семь ранних отказов вы найдёте позже, — сказала Сомова, листая список изменений. — Здесь только резервы. Рогов мог готовиться к обращениям по звонкам, которые не зарегистрировали.

— Тогда ищем звонки, — ответил Андрей.

В обоих делах контактным лицом со стороны управляющей компании значился Денис Громов. Раньше он работал в другой организации, обслуживавшей эти дома. Совпадение было слишком узким, но ещё не объясняло механизм: реальные пожары могли действительно происходить, а Громов мог просто сообщать о них знакомому начальнику быстрее общей линии.

Нестеров запросил время первых сигналов пожарной автоматики. В первом доме резерв появился за сорок минут до дыма. Во втором — за два часа. Андрей почувствовал знакомый холод не от сенсации, а от масштаба возможной ошибки. Если решения по тем делам тоже готовили заранее, семьи могли месяцами ремонтировать квартиры за свой счёт из-за чужой схемы.

— Пока не делаем выводов по старым случаям, — сказал он. — Надо поднять исходники, лабораторию, звонки и выплаты.

— Вы сейчас кого убеждаете? — спросила Сомова.

— Себя.

Она закрыла дверь переговорной.

— Компания не переживёт публичное заявление о серии поддельных отказов без проверки. Пострадают клиенты, сотрудники и текущие выплаты. Я запрещаю выносить сведения о старых делах за пределы официального запроса.

— Следователь уже в комнате, — заметил Андрей.

— Я говорю не о нём. Совет дома получит документы по своему случаю, но не внутреннюю выборку по другим клиентам.

— Согласен. Чужие данные Полине не передам.

— И журналистам.

— Я с ними не разговариваю.

Сомова кивнула, но напряжение не исчезло. Она привыкла защищать компанию от людей, которые выносили половину факта и превращали её в обвинение. Теперь опасность шла изнутри, а привычные защитные движения могли помочь тем, кого она проверяла.

Громова вызвали на опрос во второй половине дня. Он приехал с адвокатом и объяснил сообщение Рогову просто: Кирилл якобы нарушал правила дома, хранил опасный аккумулятор, и управляющая компания заранее готовила претензию.

— Почему вы написали, что батарея в ремонте? — спросил Нестеров.

— Чтобы страховая знала, где запросить сведения.

— Зачем страховщику сведения до пожара?

— Для оценки риска. У нас продлевался договор.

— Договор продлили в октябре.

Адвокат вмешался и попросил не отвечать на вопросы, не относящиеся к гибели Елены. Нестеров положил перед ним копию квитанции мастерской.

— Представитель вашей компании забрал батарею через сорок четыре минуты после сообщения.

— Не представитель, — сказал Громов. — Любой мог позвонить с городского номера. Он стоит на стойке диспетчера.

— Фотография паспорта Седова хранилась где?

— В личном кабинете жильца. Доступ у нескольких сотрудников.

— Назовите их.

Громов перечислил шесть человек. В список вошла Жукова, двое диспетчеров, бухгалтер, системный администратор и он сам. Елена доступа не имела.

— Кто обозначен буквой «Д» в телефоне Рогова? — спросил Нестеров.

— Наверное, я.

— Почему удалён чат?

— Я не удалял его телефон.

— Со своего удалили?

Громов посмотрел на адвоката.

— Переписка очищается автоматически.

— Раз в сколько?

— Не помню.

— Уведомление двухдневной давности осталось на другом устройстве. Удобная забывчивость.

Громов перестал отвечать. Однако одно твёрдое различие уже появилось: в момент выдачи аккумулятора он не отмечался в офисе управляющей компании. Его автомобиль выехал со стоянки в 15:51 и вернулся только в 18:04. Мастер из ремонта не смог уверенно узнать получателя: лицо было закрыто шарфом, человек показал фотографию документа на телефоне и назвал код заказа.

— Мог забрать Громов, — сказал Нестеров после опроса.

— Мог. Но маршрут надо подтвердить. Его машина могла ехать в другую сторону, батарею мог забрать сотрудник на общественном транспорте.

— Вы когда-нибудь радуетесь простой версии?

— Когда она выдерживает проверку.

К вечеру Миронова нашла резервную копию поля, которое считалось пустым. При создании номера система временно сохраняла пояснение пользователя, а через сутки переносила его в обычный журнал или удаляла, если карточка была заполнена. В копии рядом с номером Рогова стояли три слова: «первая башня, ночь».

Не адрес. Не фамилия. Но башен в «Четырёх дворах» было четыре, и пожар произошёл именно в первой.

Рогов не мог объяснить эти слова автоматическим заполнением. Он написал их сам в 16:10, почти за десять с половиной часов до первого дыма.

Нестеров оформил копирование журнала и ушёл готовить новые вопросы. Сомова осталась у окна коридора. Внизу сотрудники выходили из офиса, раскрывали зонты и расходились по мокрой площади.

— Вчера я думала, что он прикрывает ошибку, — сказала она. — Сегодня уже не думаю.

— Что будете делать?

— Заморожу все решения, где он менял вывод эксперта. Назначу повторную проверку. Руководство попробует сократить список.

— Сколько дел?

— Пока триста двенадцать за два года.

Число было слишком большим, чтобы представить лица. Андрей видел только Полину у стеклянной двери и Оксану Мальцеву, которая каждый раз заново рассказывала, как мать вышла на пять минут. Но за каждой строкой списка тоже находился чей-то дом, кухня с обгоревшим потолком, детская, где пахло водой и сажей, письмо с отказом, прочитанное несколько раз в надежде найти ошибку.

— Начните с резервов до сигнала, — сказал он. — Потом с заменённых вложений и изменений после подписи эксперта. Так список станет меньше, но каждое дело будет иметь причину проверки.

— Вы помогаете компании или следствию?

— Клиентам. Компания для этого и существует.

Сомова устало усмехнулась.

— Скажите это совету директоров.

— Если спросят, скажу.

Перед уходом Андрей ещё раз посмотрел на номер дела. Внешне он ничем не отличался от соседних. Теперь у него была собственная история: его запросили заранее, поместили первой башней и ночью, показали дежурной группе, заполнили после пожара и использовали для отказа, который уже ждал своего происшествия.

На экране рядом горели тысячи других номеров. Андрей раньше считал их порядком, способом не потерять человека среди документов. Рогов превратил порядок в укрытие: если строка выглядит как все, никто не спрашивает, почему она появилась.

Теперь спросили.

Глава 8. Сорок восемь квартир

К девяти утра у двери совета дома стояли три мусорных пакета, детский самокат и мужчина в расстёгнутом пуховике. Мужчина держал лист бумаги с крупной надписью «СЕДОВ ДОЛЖЕН ОТВЕТИТЬ» и спорил с Зоей Ким о том, кто имеет право войти в комнату Елены.

— Теперь это помещение совета, а не проходной двор, — повторяла Зоя. — Ключ у следователя, второй опечатан.

— А кто совет? — спрашивал мужчина. — Председателя нет. Значит, мы все.

— Если все, тогда начните с бахил.

На сером полу тянулись мокрые следы. За ночь снег снова превратился в дождь, и жильцы приносили его на подошвах во все четыре башни. Андрей остановился у стеклянной двери, показал Зое сообщение Нестерова и дождался, пока она позвонит следователю. Вчера они договорились собрать бумаги Елены в присутствии Оксаны Мальцевой и двух членов совета дома. Но объявление об этом появилось в общем чате, и к назначенному часу в переходе собрались человек двадцать.

Кирилл среди них не было.

Мужчина с листом узнал Андрея.

— Вы из страховой? Скажите людям прямо: батарея его или не его?

— Его. Но во время пожара батарея была не у него.

— Это он вам сказал?

— Это подтверждает мастерская.

— Мастерская за деньги что угодно подтвердит.

Сзади отозвалась женщина в длинном зелёном халате, накинутом под пальто:

— А вы за бесплатно уже суд вынесли, Виктор Палыч.

— У меня двое детей дымом надышались.

— У всех дети. Поэтому думать надо, а не бумажкой махать.

Лист в руках мужчины размок по краям. Андрей спросил его фамилию и номер квартиры. Виктор Палкин, квартира 183, напротив Кирилла. В ночь пожара он был дома, проснулся от сирены и вывел семью по лестнице. Запаха дыма до сигнала не чувствовал, шума в коридоре не слышал. Кирилл не видел ни вечером, ни ночью.

— Но он этот аккумулятор заряжал, — сказал Палкин. — На площадке. Я сам видел.

— Когда?

— Осенью.

— Где именно?

— У двери своей. Удлинитель протянул.

— Это нарушение правил, — сказал Андрей. — Но оно не отвечает на вопрос, кто принёс аккумулятор в первую башню после того, как Кирилл сдал его в ремонт.

Палкин посмотрел на свой лист, словно там мог быть ответ.

— Значит, украли у него, чтобы подставить?

— Пока известно только, что его забрали из мастерской по фотографии паспорта. Если вы видели человека или тележку в переходах ночью, расскажите следователю. Если нет, не добавляйте к известному удобное объяснение.

— Удобное? У нас сорок восемь квартир без нормального коридора. Дети у бабушек, ремонт встал. Нам нужно знать, с кого спрашивать.

Вот почему обвинение прижилось быстрее дыма. Кирилл имел имя, квартиру и вещь, которую можно было показать пальцем. Управляющая компания, страховая, снятые блоки камер и сломанная дверь были множеством людей и бумаг. На множество не накричишь в лифте.

Полина пришла из четвёртой башни с большим термосом и пачкой одноразовых стаканов. Увидев отца, она лишь кивнула. Накануне Андрей предупредил её, что будет собирать документы по официальному запросу. Она ответила одним словом: «Поняла». Сейчас рядом с ней шла Оксана Мальцева. Дочь Елены несла материну синюю сумку и смотрела не на собравшихся, а на запертую дверь.

Голоса стихли.

— Я открою комнату, — сказала Оксана. — Там вещи мамы и документы дома. Следовательно разрешил присутствовать мне, Тамаре Орловой и Михаилу Круглову. Остальные могут передать свои заявления Полине. Пожалуйста, не устраивайте собрание в коридоре.

— А Седов где? — спросил Палкин.

Оксана повернулась к нему.

— Вы хотите, чтобы сегодня мы разбирали его или то, что собирала моя мама перед смертью?

Палкин опустил лист.

— Я хочу правду.

— Тогда не выбирайте её заранее.

Зоя впустила их по одному. Комната совета находилась на первом этаже третьей башни, между колясочной и узлом связи. В ней помещались длинный стол, шесть стульев, железный шкаф и стеллаж с папками. На подоконнике стояла засохшая герань. Елена прикрепила к горшку записку «поливать по средам», но последняя среда прошла без неё.

Нестеров уже был внутри. Он проверил пломбу на шкафу, записал присутствующих и передал Оксане связку ключей в прозрачном пакете. Андрей пришёл как специалист по запросу следствия: страховой интерес относился к повреждениям дома, но бумаги могли также объяснить, зачем Елену ночью позвали в первую башню. Полина представляла собственников и должна была составить перечень того, что совет передавал добровольно.

— Сначала договоримся, — сказал Нестеров. — Ничего не уносим без описи. Личные письма не читаем вслух, если они не относятся к дому. Оригиналы нужных бумаг я изымаю с копиями для совета. Господин Левин отмечает то, что относится к страховому случаю, но решения здесь не принимает.

— Удобно, — сказала Тамара Орлова. — Когда отказ присылали, страховая решения принимала. Теперь никто не принимает.

Андрей узнал её по истории с аптечной посылкой из ячейки №47. Невысокая женщина в шерстяном берете смотрела на него без вражды, но и без желания облегчить разговор.

— Отказ приостановлен, — ответил он. — Его основания проверяет внутренний контроль.

— А квартиры сохнут сами?

— Нет.

— Тогда пишите быстрее.

Он не стал объяснять, сколько отделов теперь боялись поставить подпись. Для Тамары это не имело значения. В её квартире пахло гарью, а лекарство, за которым она спустилась бы утром, стало частью чужой подделки.

Оксана открыла шкаф. На верхней полке лежали устав, протоколы собраний и папка с договорами. Ниже стояли одинаковые серые короба с подписями по темам: «Лифты», «Вода», «Двери», «Фасад», «Камеры», «Гарантия». Один короб отсутствовал. На пыльной полке остался прямоугольник.

— Что здесь было? — спросил Нестеров.

Оксана посмотрела на фотографию шкафа в телефоне. Она снимала комнату летом, когда помогала матери красить стену.

— «Скрытые работы». Вот между «Дверями» и «Гарантией».

— Оригиналы актов? — спросил Андрей.

— Копии, скорее всего. Мама говорила, что оригиналы у застройщика и управляющей компании. Она собирала всё, что жильцам удавалось получить.

Михаил Круглов, седой мужчина с красными руками, подтвердил: короб стоял здесь ещё неделю назад. В прошлую пятницу он приносил Елене ответ жилищной инспекции и видел на корешке её почерк.

— Кто имел ключ? — спросил Нестеров.

— Елена, я и Тамара, — сказал Круглов. — Запасной в пенале у консьержа.

Зоя из дверей сообщила, что запасной ключ выдавали только Елене. Журнал лежал у неё на стойке. После гибели ключ опечатали вместе с другими запасными.

— Замок без следов, — сказал Нестеров. — Значит, либо свой ключ, либо взяли и вернули запасной, либо короб унесли раньше с разрешения Елены.

— Она бы записала, — ответила Оксана.

Елена записывала всё. В коробе «Вода» заявления лежали по датам, каждое в прозрачном файле: фотография пятна, номер заявки, ответ управляющей компании, повторное обращение. Андрей поставил рядом три пустых стула и начал раскладывать бумаги по башням. Полина внесла в опись первую папку.

Жалобы не были редкими случайностями. В квартире 117 вода проступала вокруг вентиляционного короба после сильного дождя. В 264 мокла стена детской, когда соседи сверху принимали душ. В 38 дважды заливало кладовую из трубы пожарного стояка. В 311 на потолке появился жёлтый круг, но управляющая компания закрыла заявку словами «следов активной течи не обнаружено».

Сорок восемь квартир значились в списке Елены. Не сорок восемь повреждённых пожаром — сорок восемь тех, где за полтора года после сдачи дома хотя бы раз появлялась вода.

— Она поэтому назвала файл «сорок восемь», — сказала Полина. — Я думала, это номер квартиры.

— Какой файл? — спросил Нестеров.

Полина вынула телефон, но не стала открывать переписку сама. Она уже передала устройство следствию для копирования, и теперь показала квитанцию передачи.

— Елена прислала мне ссылку за два дня до пожара. Написала: «Посмотри сорок восемь, пока опять не закрыли». Ссылка потом перестала работать. Я решила, что речь об одной заявке.

— Почему раньше не сказала?

— Сказала при первом опросе. Там записано. Но без файла это выглядело как обычная жалоба.

Нестеров нашёл запись в своей папке и пометил строку. Андрей заметил раздражение следователя не на Полину, а на себя: свидетель сообщил фразу, значение которой стало понятно только сейчас. Так бывало постоянно. В первые часы люди приносили сотни обломков, а нужные края обнаруживались позже.

На каждом заявлении Елена ставила цветную точку. Синяя означала, что течь видели сотрудники управляющей компании. Красная — что заявку закрыли без ремонта. Простым карандашом она отмечала повтор. У квартиры 38 стояли две красные точки и четыре карандашные черты.

— Что общего? — спросил Андрей.

— Дом новый, а вода ищет путь, — сказал Круглов.

— Это следствие. Мне нужно место.

Они разложили планы этажей. Жалобы тянулись не по одному стояку. Часть шла вдоль наружных стен, часть — возле санузлов, восемь — рядом со шкафами пожарных кранов. Но двадцать девять квартир находились над тёплыми переходами или примыкали к ним торцевой стеной.

Полина провела пальцем по плану первой башни.

— Если вода идёт здесь, она попадает не только в квартиру. Под переходом проходит общий лоток с кабелями и трубами. Елена просила вскрыть обшивку?

В деле квартиры 117 лежало письмо: «Прошу провести обследование фактического места прохождения воды, а не только осмотр высохшего пятна». Управляющая компания ответила, что доступ к закрытой части конструкции невозможен без согласования с застройщиком.

В следующей папке повторялась почти та же фраза. И ещё в одной.

— «Фактическое место», — сказал Андрей.

Оксана подняла голову. Эти слова стояли в записке Елены, найденной после её смерти: «показать фактическое место», время 00:15.

Круглов сел на край стула.

— Она говорила, что добилась осмотра. Поздно вечером, потому что днём там рабочие. Я спросил, кто будет показывать. Она сказала: «Тот, кто наконец испугался бумаг».

— Когда говорила?

— На собрании во вторник. Нас было пятеро.

Тамара Орлова подтвердила. Елена не назвала человека, только сказала, что увидит скрытую течь в первой башне и возьмёт с собой папку.

— Почему никто не пошёл с ней? — тихо спросила Оксана.

— Мы предлагали, — ответила Тамара. — Она сказала, толпой нас не пустят. И что вернётся через десять минут.

В комнате стало слышно, как за стеной ребёнок прокатил самокат по плитке. Оксана закрыла синюю сумку матери и поставила её под стул.

Андрей выписал номера заявок, связанных с переходами. Их закрывали разные диспетчеры, но итоговые акты подписывал один человек — Денис Громов. Подпись ещё не доказывала, что он осматривал места. Руководитель мог утверждать подготовленные сотрудниками ответы. Однако в четырёх актах было указано: «проведён совместный осмотр с председателем совета дома». Рядом стояла подпись, похожая на подпись Елены.

Оксана посмотрела на первый лист.

— Не мамина.

— Уверены? — спросил Нестеров.

— Она выводила «М» одним движением. Здесь три. И фамилию никогда не сокращала до буквы.

Круглов достал протокол собрания с настоящей подписью Елены. Различие было видно и без эксперта: на протоколе буквы наклонялись вправо, а в акте стояли почти прямо. Нестеров вложил оба документа в отдельные файлы.

— Скажет, что подписал сотрудник за неё по ошибке, — заметил Андрей.

— Пусть сначала скажет, — ответил следователь.

В коробе «Двери» было меньше бумаг, но каждая касалась того, что в ночь пожара стало важнее камер. Жилыцы жаловались, что противопожарные двери подпирают клиньями, потому что доводчики хлопают и будят детей. После ремонта одни створки не закрывались, другие требовали такого усилия, что ребёнок не мог открыть их сам. Елена фотографировала клинья, записывала время и добивалась регулировки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.